

А. И. ДОБРЯНСКІЙ.

И $\frac{426}{886}$

О СОВРЕМЕННОМЪ

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ

АВСТРО-УГОРСКОЙ РУСИ.

Издание П. Ф. Левдука.

МОСКВА.

Типографія А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахман. пер., соб. домъ
1885.

4 $\frac{426}{886}$

А. И. ДОБРЯНСКІЙ.

О СОВРЕМЕННОМЪ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
АВСТРО-УГОРСКОЙ РУСИ.

Издание П. Ф. Левдука.

МОСКВА.

Типо-Литографія А. А. Левенсонъ. Петровка, Разман. пер., соб. домъ.

1885.

Въ началѣ текушаго года пишущій эти строки имѣлъ счастье неоднократно бесѣдовать въ Вѣнѣ съ извѣстнымъ «закордоннымъ» нашимъ патриотомъ, достоуважаемымъ Адольфомъ Ивановичемъ Добрянскимъ-Сапуновымъ. Кое-что изъ бесѣдъ этихъ было сообщено въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ («С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новомъ Времени»), а на просьбу изложить общій свой взглядъ на грустное современное положеніе австро-угорской Руси, на вопросы, волнующіе въ настоящее время нашихъ страждущихъ неискупленныхъ братьевъ, почтенный старецъ былъ настолько добръ и внимателенъ передать собесѣднику собственноручно написанный имъ „меморандумъ“. «Тѣмъ болѣе я готовъ исполнить вашу просьбу, — заявилъ онъ съ обычнымъ добродушіемъ и ласковой предупредительностью — что не мало уже обращалось ко мнѣ лицъ, письменно въ особенности, желавшихъ узнать взглядъ мой на настоящее наше положеніе, политическую мою, такъ сказать, исповѣдь или программу. И сами наши галицко- и угро-русскіе патриоты, на первомъ планѣ публицисты, требовали отъ меня разъясненія: какъ, по убѣжденію моему, слѣдуетъ намъ теперь дѣйствовать, въ чемъ ближайшая задача нашей прессы. Возьмите этотъ „отвѣтъ на заявленныя многочисленныя желанія, касающіяся направленія нашихъ политическихъ газетъ“ и издайте его въ Россіи, такъ какъ здѣсь, благодаря „гарантіямъ свободы прессы“, сдѣлать этого нельзя. Написанъ этотъ меморандумъ и тяжелымъ можетъ быть

СЛОГОМЪ, — Я ВЪДЪ САМОУЧКОЙ ИЗУЧИЛЪ НАШЪ ОБЩІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКЪ — НО НАПИСАНЪ ИСКРЕННО И ЧИСТОСЕРДЕЧНО, А ВЪ ЭТОМЪ ВСЯ СИЛА. АВОСЬ И У НАСЪ КТО-НИБУДЬ ПРОЧТЕТЬ ЕГО; КТО ЗНАЕТЪ — ПОПАДЕТЬ ОНЪ ВЪ РУКИ И КАКОГО-НИБУДЬ ЧЕШСКАГО «ПОЛИТИКА» — ВОТЪ ВАМЪ И ИЗВѢСТНАЯ ДОЗА ПОЛЪЗЫ, И ПОЛЪЗЫ, МОЖЕТЪ БЫТЬ, И ПРАКТИЧЕСКОЙ! И ТЕПЕРЬ УЖЕ ПОГОВАРИВАЮТЪ ПО СОВѢТУ МОЕМУ — ВИДИТЕ КАКОЙ Я «ХВАСТУНЪ» И ДО ЧЕГО Я ЧЕСТОЛЮБИВЪ: ДОБАВЛЯЮ «ПО СОВѢТУ МОЕМУ» — НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ПАТРИОТОВЪ НАШИХЪ О СОЗВАНІИ ВѢЧА ДЛЯ ОБСУЖДЕНІЯ ЦЕРКОВНАГО НАШЕГО ВОПРОСА; ДАСТЬ БОГЪ СО ВРЕМЕНЕМЪ УБѢДЯТСЯ ВСѢ И ВЪ НЕОБХОДИМОСТИ СОЗВАНІЯ ОБЛАСТНАГО СОБОРА, ЗАДАЧУ КОТОРАГО Я СТАРАЛСЯ РАЗЪЯСНИТЬ ВЪ «ОТВѢТѢ», И КОТОРЫЙ ВЪ МОИХЪ ГЛАЗАХЪ СОСТАВЛЯЕТЪ ДЛЯ НАСЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВОПРОСЪ ЖИЗНИ ИЛИ СМЕРТИ» ...

ИЗЪ ЭТОГО УЖЕ БЛАГОСКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ ВИДИТЬ, ЧТО «ОТВѢТЪ» ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ЗАКОРДОННЫХЪ» НАШИХЪ БРАТЬЕВЪ. ОТСЮДА — НѢСКОЛЬКО „СКУЧНОЕ“ МОЖЕТЪ БЫТЬ НА *нашъ* ВЗГЛЯДЪ И „БЕЗПОЛЕЗНОЕ“ РАЗЪЯСНЕНІЕ ВОПРОСА О «КАТОЛИЧЕСКОМЪ ДУХѢ» ЗАПАДА, О ЗАДАЧАХЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЦЕРКОВНАГО СОБРАНІЯ И ПР. И ПР.; НО И НАМЪ, „МОСКАЛЯМЪ“, НѢТЬ СОМНѢНЬЯ, БУДЕТЬ НЕ БЕЗИНТЕРЕСНО ОЗНАКОМИТЬСЯ СЪ ОБЩИМИ ВОЗЗРѢНІЯМИ НА СОВРЕМЕННУЮ АВСТРО-ВЕНГЕРСКУЮ ПОЛИТИКУ, НА ДУАЛИЗМЪ, НА „ЧЕШСКІЙ ВОПРОСЪ“ И ЧЕШСКО-НѢМЕЦКІЯ ОТНОШЕНІЯ, НА ПОЛОЖЕНІЕ, НАКОНЕЦЪ, БЛИЖАЙШИХЪ НАШИХЪ БРАТЬЕВЪ, СЛОВАКОВЪ И РУССКИХЪ, ТАКОГО ВИДНАГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДѢЯТЕЛЯ, КАКЪ А. И. ДОБРЯНСКІЙ, ДѢЯТЕЛЯ, ИМЯ КОТОРАГО — КТО НЕ УБѢЖДЕНЪ ВЪ ЭТОМЪ? — НА СТРАНИЦАХЪ БУДУЩЕЙ ИСТОРИИ НЕ ОДНОЙ АВСТРО-УГОРСКОЙ РУСИ БУДЕТЬ КРАСОВАТЬСЯ ОДНИМЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВЪ БЛЕСТЯЩЕМЪ РЯДУ НЕЗАБВЕННЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ-ПАТРИОТОВЪ....

П. Л.

Волненіе умовъ населенія австро-угорской Руси достигло небывалыхъ до сихъ поръ размѣровъ. И это послѣ недавняго извѣстнаго политическаго процесса нисколько не удивительно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что русскій народъ, въ числѣ $3\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ, объятый желаніемъ высказать во всеуслышаніе свое сильное горе, — лишень своихъ представителей во всѣхъ автономныхъ собраніяхъ; да, даже въ палатѣ господъ державной думы, члены которой назначаются исключительно правительствомъ, не участвуетъ ни одинъ изъ сыновъ этого народа... Но такое лихорадочное волненіе дѣйствуетъ какъ пушечный порохъ или какъ динамитъ, силою которыхъ возможно разрушить все, а создать — невозможно рѣшительно ничего. Волненіе умовъ мѣшаетъ между прочимъ соглашенію нашихъ земляковъ въ избраніи вѣрнаго пути, ведущаго къ общей всѣмъ намъ цѣли, т. е. къ прекращенію тяготѣющей надъ нашимъ народомъ опеки иноплемениковъ. Несогласіе это отражается весьма ясно и въ нашихъ политическихъ газетахъ, которыя, стремясь самымъ естественнымъ путемъ взаимнаго обмѣна мыслей къ водворенію единства, не могутъ не помѣщать на своихъ столбцахъ какъ сообщаемыя имъ происшествія всякаго рода, такъ и разныя мнѣнія, разныя взгляды своихъ читателей.

Задача политическихъ газетъ состоитъ не въ томъ, чтобъ редакторы ихъ навязывали обществу свои личныя убѣжденія, какъ навязываютъ, положимъ, иногда свои убѣжденія учителя и профессора своимъ слушателямъ, но именно въ вѣрномъ изображеніи взглядовъ и желаній общества, т. е. — общественнаго мнѣнія.

Слѣдовательно политическія газеты обязаны помѣщать извѣстія о разныхъ происшествіяхъ, приводить взгляды общества, толковать и критиковать ихъ, чтобы, вызывая этимъ пренія, расчищать такимъ образомъ путь къ соглашенію и извлекать тѣ или другія поучительныя заключенія.

Однако-же нѣкоторые изъ нашихъ земляковъ не довольствуются этимъ. Одни требуютъ, чтобы наши газеты, неуклонно держась разъ избраннаго политическаго направленія, не принимали на свои страницы ничего такого, что отступало-бы отъ указанной программы, ибо это, по мнѣнію вышесказанныхъ лицъ, лишаетъ газету системы и политическаго смысла. Другіе стоятъ за возможно смѣлый тонъ газетъ, стоятъ за то, чтобы одни и тѣже вопросы, хотя-бы и исчерпанные вполнѣ, снова постоянно разбирались. Третьи совѣтуютъ имъ, уклонившись отъ вреднаго по ихъ мнѣнію сообщенія фактовъ и происшествій, возбуждающихъ соблазнъ, заниматься исключительно разсужденіями политическими и подготовить при этомъ соединеніе нашего народа съ прочими славянскими народами Австро-Венгріи, преимущественно съ чешскимъ. Наконецъ есть лица, знатныя лица, которыя требуютъ, чтобы наши политическія газеты, оставивъ бесполезную по ихъ убѣжденію политику въ сторонѣ, занимались преимущественно дѣлами нашей церкви, потому что эти лица не желаютъ разбирать церковныя вопросы въ существующей церковной газетѣ, по ихъ мнѣнію подлежащей цензурѣ іезуитовъ и воскресенцевъ-змартвыхъ-станпевъ. Большинство этихъ лицъ требуетъ открытаго оглашенія всѣхъ общественныхъ дѣйствій церковнослужителей, также распространенія мысли о необходимости церковнаго областного собора, по ихъ убѣжденію, единственнаго средства спасти нашу святыню отъ угрожающей ей крайней опасности совершеннаго исчезновенія. Всѣ эти разнородныя, отчасти противорѣчивыя требованія происходятъ, безъ сомнѣнія, изъ чистѣйшаго патріотизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ и свидѣтельствомъ вышеупомянутаго лихорадочнаго волненія, охватившаго нашъ народъ, волненія, которое, мѣшая взаимному соглашенію, не мало затрудняетъ и безъ того незавидное положеніе редакторовъ нашихъ газетъ.

Объяснимъ дѣло примѣрами, что послужить вмѣстѣ и отвѣтомъ на многія, полученныя нами письма, изъ которыхъ въ свою очередь беремъ ниже выдержки.

* *
*

Отъ одного изъ извѣстныхъ высокоуважаемыхъ нами патріотовъ мы получили письмо, въ которомъ онъ упрекаетъ вообще наши газеты въ томъ, что онѣ лишены всякой системы, всякой поли

тической мысли и занимаются лишь бесполезнымъ крикомъ, сообщаютъ разныя соблазнительныя происшествія, хотя объявленіе таковыхъ, если они относятся къ лицамъ, занимающимъ видное положеніе среди народа, вредитъ лишь общему нашему дѣлу. По мнѣнію вышеупомянутаго патріота наши газеты должны ограничиться лишь политическими и политико-церковными разсужденіями, именно-же:

1) готовить разрывъ съ нѣмцами и соединеніе съ вліятельными въ настоящее время чехами;

2) доказать на основаніи существующаго въ нашихъ рукахъ матеріала, что іезуиты въ нашемъ Добромильскомъ монастырѣ вводятъ латинскую тонсуру и воспитываютъ въ числѣ 17 послушниковъ, содержимыхъ на средства монастыря, только *трехъ* русскихъ;

3) доказать что поляки, вопреки рѣшенію въ нашу пользу высшаго суда государства (Reichsgericht), упорно препятствуютъ до сихъ поръ открытію русской школы во Львовѣ;

4) доказать что вѣковая борьба наша съ поляками основана не столько на догматахъ вѣры, сколько на противоположныхъ политическихъ стремленіяхъ.

Многоуважаемый нашъ патріотъ совѣтуетъ еще нашимъ газетамъ вступить въ сношеніе съ официальной газетою римской куріи (Moniteur de Rome) и обмѣняться изданіями съ нею, чтобы о нашихъ настоящихъ сношеніяхъ съ поляками узнали изъ достовѣрнаго источника въ Римѣ, гдѣ мало кто вообще знаетъ о насъ.

Этимъ требованіямъ и совѣтамъ нельзя отказать въ извѣстной дозѣ патріотическаго направленія, но—наши газеты уже исполнили свою обязанность касательно непрошенныхъ гостей въ Добромильскомъ монастырѣ, а Римъ все-таки ничего о томъ не знаетъ, да и знать не хотѣлъ-бы, хотя-бъ даже и всѣ наши газеты обмѣнялись изданіями съ правительственною газетою римской куріи.

Давно изданы высокоученымъ отцемъ крылошаниномъ М. Малиновскимъ два объемистыя сочиненія «Annales Ecclesiae ruthenae» на латинскомъ и «Kirchen-und Staats—satzungen» на нѣмецкомъ языкахъ. Въ этихъ сочиненіяхъ, на основаніи достовѣрныхъ грамотъ, изложена вся исторія нашей многострадальной униатской церкви; доказано свирѣпое ея гоненіе іезуитами и поляками; при-

ведены даже дословно проекты, составленные ими для окончательнаго истребленія русскаго нашего народа, къ осуществленію которыхъ наши польскіе опекуны до сихъ поръ не переставали стремиться, — а Римъ все-таки ничего о насъ не знаетъ.

Не такъ давно печатался въ «Словѣ» и переводъ апелляціи, составленной нашимъ славнымъ патріотомъ, отцемъ Иваномъ Григорьевичемъ Наумовичемъ на латинскомъ языкѣ и поданной папѣ римскому нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ этой апелляціи вѣрно и точно описано пагубное дѣйствіе іезуитовъ и воскресенцевъ и доказано на основаніи фактовъ, исключаящихъ всякое сомнѣніе, что поляки, предпочитая свое земное царство царству Божію, стремятся не къ укрѣпленію или распространенію благочестія вообще и католичества въ частности, но напротивъ къ нравственному развращенію русскихъ униатовъ для достиженія чисто-политическихъ, именно своихъ «польско-народныхъ» цѣлей. А Римъ, потерявшій вслѣдствіе этихъ дѣйствій поляковъ уже до 12 милліоновъ русскихъ униатовъ, все-таки не знаетъ насъ и нашихъ неимоверныхъ страданій, покровительствуя только полякамъ въ нашемъ искони русскомъ отечествѣ, которое нунцій и прочіе дипломатическіе чиновники римской куріи представляютъ себѣ вѣроятно чистѣйшей Польшей.

Слѣдовательно мы обращали вниманіе на дѣйствія и происшествія, разъясненіе которыхъ путемъ печати считали мы необходимымъ. И другія наши изданія, спеціально газеты, не мало трудились въ томъ-же направленіи, преимущественно «Слово», какъ о томъ свидѣтельствуютъ многія его статьи, въ особенности помѣщенная въ № 119 статья о русской школѣ во Львовѣ, исчерпавшая этотъ вопросъ окончательно. Еще большій трудъ принимали, какъ выше сказано, наши мученики: живущій въ отставкѣ от. Малиновскій и живущій въ отлученіи от. Наумовичъ. Но пользы и изъ всего этого — развѣ если считать пользою отставку отъ должности, отлученіе отъ церкви и страданія въ тюрьмѣ — нѣтъ, да едва-ли и будетъ. Такъ по крайней мѣрѣ убѣждены многіе, преимущественно наши міряне, негодующіе на всѣхъ ожидающихъ покровительства изъ Рима, въ числѣ ихъ даже на многострадальнаго от. Наумовича, хотя онъ своею апелляціею не мало способствовалъ изъясненію безвыходнаго положенія нашего народа, не лѣстя въ ней никому и не щадя никого, но неустра-

шимо высказывая обиды, непрерывно наносимыя намъ нашими самозванными опекунами.

Какъ-же, спрашиваемъ мы нашего патріота, эти міряне и наши вообще читатели отнеслись-бы къ нашимъ газетамъ, если-бъ онѣ, не имѣя рѣшительно другихъ средствъ къ обличенію льстецовъ, молчали о ежедневныхъ происшествіяхъ, именно о соблазнительномъ поведеніи лицъ, занимающихъ видное положеніе въ обществѣ.

Среди насъ развилась гражданская отвага, какой мы до извѣстнаго политическаго процесса не знали; подъ ея вліяніемъ сносятся наши, обремененные семьями мученики безъ ропота и вопля ужасное тюремное заключеніе, и она, эта отвага, составляетъ, безъ сомнѣнья, самое драгоцѣнное пріобрѣтеніе нашего народа. Но—эта гражданская отвага такъ овладѣла нашими взволнованными земляками, что они ничуть не совѣстятся упрекать наши газеты, и безъ того часто конфискуемыя прокуратурой, въ недостаточной рѣзкости статей и въ укрывательствѣ соблазнительнаго, малодушнаго поведенія льстецовъ. Слѣдовательно, удовлетворивъ желанію нашего патріота, требующаго умолчанія всѣхъ происшествій вообще, наши газеты потеряли-бы всѣхъ подписчиковъ, расположенныхъ враждебно, по очень понятнымъ причинамъ, болѣе къ льстецамъ русскаго происхожденія, нежели къ самимъ опекунамъ, пользующимся русскими измѣнниками, какъ слѣпыми орудіями развращенія нашего народа.

* *
*

Къ братскому народу чешскому наши газеты относились всегда и относятся до сихъ поръ съ такимъ-же искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, съ какимъ къ нему никогда не переставали относиться и наши малочисленные представители въ державной думѣ. Нашъ народъ, высоко почитая чрезвычайно даровитый и развитой чешскій народъ, съ искреннею радостью встрѣчаетъ всякій его успѣхъ, а въ случаѣ выдающихся торжествъ чешская Прага всегда видитъ въ стѣнахъ своихъ и нашихъ представителей. Напримѣръ, еще не такъ давно по случаю открытія вновь выстроеннаго чешскаго театра русскіе галичане тоже явились въ Прагу, хотя она отстоитъ отъ насъ очень далеко. Но, измѣнившіе высказаннымъ торжественно въ годахъ 1848 и 49-мъ здоровымъ своимъ взглядамъ чехи, увлекаясь автономіей не народовъ, а областей австро-

венгерской монархіи, для осуществленія этой мечты нуждаются въ союзѣ съ сильными единомышленниками... Какъ-же газетамъ готовить нашъ народъ, ослабленный до крайности незванною опекою и чуждающійся угрожающей его политической жизни автономіи областей, къ соединенію съ чехами, которые усиленно стремятся къ этой автономіи и даже для осуществленія ея вступили въ тѣснѣйшій союзъ съ поляками, нашими опекунами-мучителями, высасывающими лучшіе соки изъ нашего народа? Если же нашъ патріотъ намекаетъ на то обстоятельство, что и преобладавшіе прежде въ западной половинѣ монархіи нѣмцы поступили съ нами не лучше, бросивъ нашъ народъ тоже на произволь поляковъ, въ союзѣ съ которыми они тогда нуждались, то мы должны по совѣсти сознаться, что тутъ большая разница.

Пока въ Австро-Венгріи предводительствовали безусловно нѣмцы, не нуждаясь въ союзѣ съ другими народами (1849—1868 гг.), нашъ народъ, вопреки крамоламъ вліятельнаго польскаго графа Голуховскаго, обузданнаго нѣмцами-же, развивался благополучно, такъ какъ развитію его не препятствовало, а способствовало правительство, составленное преимущественно изъ нѣмцевъ. У насъ явилась многочисленная интеллигенція среди мірянъ, которой ранѣе лишили насъ поляки; мы основали наши газеты; мы основали великолѣпный народный домъ, краеугольный камень котораго соизволилъ заложить лично самъ императоръ Францъ-Іосифъ; мы основали прочія, до сихъ поръ процвѣтающія общества, не только въ Галичинѣ, но и въ другихъ частяхъ австро-угорской Русси, и взаимнымъ ихъ между собою сношеніямъ не препятствовалъ никто.

У насъ открылись многочисленныя приходскія училища, подчиненныя исключительно руководству и наблюденію нашего русскаго священства; открыты были и среднія учебныя заведенія съ преподаваніемъ русскаго языка, свободному развитію котораго правительствомъ не препятствовало, что доказывается и тѣмъ уже, что свободно печатались на литературномъ русскомъ языкѣ и газеты («Семейная бібліотека» въ Галичинѣ; «Церковная газета» и «Свѣтъ» въ Угорщинѣ) и сочиненія разнаго рода («Конюшій» Дьдицкаго, «Исторія Галицкаго Княжества» Зубрицкаго и пр. и пр.).

Въ областныхъ сеймахъ, въ палатѣ депутатовъ державной думы представители нашего народа находились въ такомъ числѣ, что имъ возможно было выступать съ самостоятельными мнѣніями; даже мы имѣли своихъ представителей въ палатѣ господъ.

Благосостояніе нашего народа пошатнулось, когда стало колебаться рѣшающее вліяніе нѣмцевъ, и они стали нуждаться въ союзникахъ, какими и навязались имъ оппортунисты — поляки. Уговоренные своими новыми союзниками, нѣмцы перестали поддерживать насъ, и мы, тѣмъ самымъ, лишились и поддержки правительства, въ которой болѣе чѣмъ кто-либо нуждаются оправляющіеся отъ вѣковаго гнета народы. Но при всемъ томъ нашимъ самозваннымъ опекунамъ не удавалось подвергнуть систематическому гоненію нашу церковь и вообще народную жизнь, пока преобладало еще вліяніе нѣмцевъ, гнушающихся явнаго нарушенія государственныхъ законовъ на каждомъ шагу и понимающихъ всю происходящую отъ этого опасность для монархіи, сохранить цѣльность и единство которой лежитъ въ интересахъ нѣмцевъ, но отнюдь не поляковъ. Систематическое осуществленіе проектовъ, составленныхъ для совершеннаго истребленія русскаго народа, началось лишь по прекращеніи нѣмецкаго вліянія, т. е. со времени существующаго тѣснѣйшаго союза между поляками и чехами.

И вотъ до чего мы дошли въ очень непродолжительное время. Во всѣхъ автономныхъ собраніяхъ, рѣшающихъ судьбы нашего народа, лишеннаго своихъ законныхъ представителей, засѣдаютъ его исконные политическіе враги; ихъ-же произволу предоставлено хозяйничаніе съ податями разнаго рода, платимыми нашимъ народомъ. Министры и составляющіе ихъ совѣтъ начальники департаментовъ (Hofrätthe) въ центрѣ государства; намѣстникъ и его товарищъ, предсѣдатели и товарищи предсѣдателей судебныхъ палатъ (Oberlandes—gericht) и окружныхъ судовъ (Landes—gericht); начальники областной финансовой дирекціи и финансовой прокураторіи, директоръ полиціи и государственные прокуроры въ Галичинѣ — всѣ они назначены изъ среды нашихъ самозванныхъ опекуновъ. Кромѣ того всѣ учебныя заведенія, не исключая и содержимыхъ на средства русскихъ общинъ сельскихъ школъ, въ которыхъ готовится ополяченіе молодого поколѣнія, безусловно зависятъ отъ тѣхъ-же политическихъ нашихъ враговъ. Въ единственномъ русскомъ среднемъ учебномъ заведеніи о формахъ и правописаніи русскаго языка рѣшаемъ не мы, а наши опекуны, ненавидящіе чистоту этого языка. Всѣ польскіе чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологіей, не мазурской или польской, — нѣтъ, но исключительно нашей русской, чтобы при содѣйствіи русскихъ измѣнни-

вовъ создать новый русско-польскій языкъ, отъ котораго переходъ къ чисто-польскому не представлялъ-бы уже никакихъ почти затрудненій.

Дѣлами нашей церкви распоряжаются не ея духовные и мірскіе члены, но исключительно наши самозванные опекуны. Вслѣдствіе рекомендацій или доносовъ опеки, безъ малѣйшаго нашего участія, наши духовные сановники не только назначаются, но и увольняются отъ своихъ должностей; приходы-же уже давно раздаются по произволу польскихъ коллаторовъ. Крайне враждебно относящіеся къ нашей церкви польскіе монахи, іезуиты и воскресенцы; которымъ препоручено, вопреки нашимъ протестамъ и возраженіямъ, воспитаніе будущихъ нашихъ священниковъ, распространяютъ неограниченное свое господство надъ нашимъ священствомъ; употребляютъ безнаказанно наши церкви для направленныхъ противъ нашего священства миссій; занимаютъ даже наши монастыри и присвоиваютъ себѣ все ихъ имущество не смотря на протесты русскихъ монаховъ, лишенныхъ своихъ прелатовъ и своего благочинія вообще.

Въ главномъ нашемъ городѣ Львовѣ, гдѣ разбираются уголовные политическіе процессы судомъ присяжныхъ, народъ нашъ давно уже находится въ меньшинствѣ, причемъ государственной прокуратурѣ, составленной исключительно изъ поляковъ, закономъ дозволено отклонять извѣстное число присяжныхъ; слѣдовательно—въ политическихъ процессахъ мы предоставлены, какъ это къ сожалѣнію доказалъ и опытъ, милости или немилости суда, состоящаго исключительно изъ нашихъ политическихъ враговъ, суда, который за правильность приговора не отвѣтственъ и противъ рѣшенія котораго нѣтъ даже апелляціи.

Итакъ жизнь и имущество русскихъ жителей австро-угорской монархіи зависятъ лишь отъ милости враждебныхъ имъ иноплеменниковъ; вся наша духовная жизнь, т. е. дѣйствія и развитіе нашихъ обществъ, школъ, газетъ, нашего языка,—да, даже направление наукъ:—русской филологіи и исторіи на первомъ планѣ, и всѣ установленія нашей церкви—все зависитъ отъ той-же милости. Основные законы государства, по которымъ всякому гражданину обеспечена личная свобода, неприкосновенность имущества, свобода совѣсти, печати и науки, по которымъ свобода развитія языка и народности вообще обеспечены всякому народу—не дѣйствительны только въ отношеніи въ русскому народу.

Въ виду всего этого не удивительно, что наши духовные савошники становятся постепенно орудіями въ рукахъ простыхъ монаховъ, іезуитовъ и воскресенцевъ; не удивительно, что наши самые заслуженные передовые дѣятели наполняютъ по приговору польскихъ судовъ тюрьмы; что наше священство лишено достаточныхъ средствъ къ жизни; что наше литературное общество «Галицко-русская Матица» не продолжаетъ своей полезной дѣятельности, а прочія наши общества дѣйствуютъ ужъ не съ прежней охотой и энергіей; не удивительно, что наши газеты подвергаются непрерывно конфискаціи, письма, адресованныя русскимъ лицамъ (какъ это было доказано на извѣстномъ политическомъ процессѣ) читаются и даже свободно конфискуются; не удивительно послѣ всего этого и то, что податями нашего народа опекуны наши поддерживаютъ народныя свои установленія, свои театры, свои газеты даже, направленные противъ нашего народа, а зажиточные когда-то мужики наши и общины лишаются путемъ экзекуцій земельной своей собственности, которая, какъ это доказано въ львовскомъ сеймѣ, продается по *одному крейсеру*, т. е. по поу съ небольшимъ копѣйки за десятину, состоящую изъ 1000 кв. сажень!...

Кто-же сочувствуетъ намъ среди этихъ безпримѣрныхъ, постигшихъ насъ бѣдствій?

Развѣ чешскіе представители, чешскія газеты?

— Ничуть не бывало.

Представители чешскаго народа въ автономныхъ собраніяхъ и въ высшихъ правительственныхъ кружкахъ по необходимости угрожаютъ политическимъ своимъ союзникамъ, т. е. нашимъ польскимъ опекунамъ и мадьярамъ, рѣшающимъ судьбы всей монархіи. Главная старо-чешская газета «Politik», защищая и возвеличивая по возможности этотъ сервиллизмъ, недостойный славнаго чешскаго народа, осмѣиваетъ и ругаетъ нашъ народъ, нашихъ мучениковъ и наше страдальческое положеніе вообще, такъ какъ этого-то и требуютъ ихъ союзники поляки и располагающіе великими и богатыми милостями мадьяры. Какъ-же послѣ всего этого намъ соединиться съ чехами? Вѣдь гораздо ближе насъ стоятъ къ чехамъ словаки: и по исторіи—такъ какъ западная ихъ часть (по долину рѣки Вага) входила въ составъ государства великоморавскаго,—и по географическому положенію—такъ какъ словаки граничатъ непосредственно съ чешскими жителями Моравіи,

а вѣтви ихъ заселяютъ даже моравскія горы,—и по вѣроисповѣданію, такъ какъ большинство и словаковъ и чеховъ принадлежатъ къ римско-католической церкви, а меньшинство и однихъ и другихъ къ протестантской; и по языку—ибо языкъ словаковъ (словенскій, ошибочно названный словацкимъ), хотя въ сущности составляющій среднее нарѣчіе между русскимъ и чешскимъ, все-таки признанъ учеными славистами, въ томъ числѣ и знаменитымъ Шафарикомъ (словакомъ) нарѣчіемъ чехо-славянскаго языка.

Словаки однако при всемъ этомъ не могутъ идти рука объ руку съ чехами, которыхъ почитаютъ и любятъ не менѣе насъ и которыхъ даже многіе изъ нихъ называютъ своими «благодѣтелями». Словаки предпочитаютъ союзъ со своими восточными русскими сосѣдями, съ которыми восточную ихъ часть (по долинамъ рѣки Шаева и Гропа) связываетъ кромѣ формъ языка и географическаго положенія еще исторія и происходившее отсюда древнее ея названіе «Русь» — Russia, весьма нерѣдко встрѣчающееся въ нѣмецкихъ хроникахъ.

Если-бы впрочемъ кто сомнѣвался въ этомъ союзѣ двухъ смежныхъ славянскихъ народовъ, тому мы посовѣтовали-бы ознакомиться съ дѣйствіями какъ словенскихъ патріотовъ, такъ и нашихъ русскихъ, начиная съ 1848 года и до настоящаго времени. Газеты словаковъ, начиная съ выходившаго въ 48 году «Орла Татранскаго» и кончая «Пештбудинскими Вѣдомостями», продолжаемыми до сихъ поръ подъ названіемъ «Народныхъ Новинъ», оказывали не менѣе сочувствія нашему русскому народу, чѣмъ и своему, словенскому. Всѣ прочія литературныя произведенія словаковъ дышатъ тѣмъ-же сочувствіемъ къ нашему народу; даже издававшіяся въ пятидесятыхъ годахъ подъ разными названіями католическія церковныя газеты словаковъ обнаруживаютъ любовь къ нашему славянскому церковному обряду, къ нашему языку, къ нашей русской азбуцѣ, главнымъ поборникомъ которой оказался приснопамятный патріотъ словаковъ, священникъ латинскаго обряда Андрей Андреевичъ Радонскій въ изданныхъ имъ на литературномъ русскомъ языкѣ прекрасныхъ проповѣдяхъ. Этому патріоту не уступалъ въ любви къ намъ и словенскій священникъ латинскаго обряда Заборскій, извѣстный своими прекрасными сочиненіями, недавно завѣщавшій все свое имущество, состоявшее изъ богатой виллюэиен, нашему Пряшевскому русскому церков-

ному обществу Св. Іоанна Крестителя. Въ живой памяти еще у насъ отзвѣвы словенскаго народа, полныя братскаго сочувствія, по поводу нашего извѣстнаго политическаго процесса.

И наша русская печать въ свою очередь всегда относилась не менѣе сочувственно къ народу словенскому. Не болѣе тронуло словаковъ, чѣмъ насъ ихъ ужасное горе по поводу закрытія ихъ единственнаго литературнаго общества «Матицы» и основанныхъ на средства словенскихъ патріотовъ трехъ средне-учебныхъ заведеній. И наши патріоты участвовали по мѣрѣ возможности въ основаніи независимой газеты словаковъ и вышеупоменутаго общества «Матицы», именно и братья Добрянскіе. Злополучною судьбою братьевъ словаковъ не мало занимается и сеймовая рѣчь пишущаго эти строки, изданная въ нѣмецкомъ переводѣ въ Вѣнѣ въ 1861 году. Онъ-же защищалъ на угорскомъ сеймѣ (1865—68 гг.) наравнѣ съ русскими и словаковъ, и они исключительно на его имя адресовали всѣ свои прошенія и требованія къ сейму. Впрочемъ всѣмъ намъ извѣстна тѣснѣйшая связь вѣнскаго студенческаго общества словаковъ («Татранъ») съ русскимъ академическимъ обществомъ («Буковина»), а не съ чешскимъ знатнымъ кружкомъ «Академическій Сполекъ».

Многимъ покажется страннымъ это явленіе, но оно, какъ и всякое, имѣетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ причинъ, относящихся лишь къ восточнымъ словакамъ, еще и инныя важныя причины, относящіяся ко всему словенскому народу.

Если мы взглянемъ на народы, входящіе въ составъ австро-угорской монархіи, мы придемъ къ убѣжденію, что между ними не сохраняется ни тѣни равноправности, обезпеченной каждому изъ нихъ основными законами государства; что, слѣдовательно, народы австро-угорской монархіи—смотря по признаваемой за ними долѣ права вліять на судьбы не только самихъ себя, но и всей монархіи—раздѣлены на нѣсколько разрядовъ. Между прочимъ замѣчается въ этомъ искусственномъ раздѣленіи народовъ на разные разряды странное стремленіе, исторіею и обстоятельствами монархіи врядъ-ли изъяснимое,—судьбы многочисленнаго кореннаго населенія подчинить болѣе или менѣе рѣшающему вліянію малочисленныхъ пришельцевъ.

Въ первый разрядъ входятъ народы не только свободно развивающіеся, но и безусловно господствующіе надъ другими и вообще вліяющіе на судьбы государства. Такими народами представляются:

1) Малочисленный и ничтожный по себѣ народъ мадьярскій угро-татарскаго происхожденія, который, вообще пользуясь рѣшающимъ вліяніемъ на судьбы всей австро-угорской монархіи, въ частности еще неограниченно господствуетъ надъ громаднымъ большинствомъ коренныхъ жителей восточной половины монархіи, именно надъ массою словенскаго и румынскаго народовъ и надъ частями русскаго, сербскаго, хорватскаго, словенскаго и нѣмецкаго народовъ; съ нѣкоторымъ-же ограниченіемъ и надъ массою сербскаго и хорватскаго народовъ;

2) народъ польскій, вліяющій вообще на всѣ дѣла западной половины монархіи, въ частности еще неограниченно господствующій надъ массою коренныхъ русскихъ жителей искони русской страны, которая въ концѣ третьей четверти XVIII столѣтія вошла подъ удержаннымъ до раздѣленія рѣчи посполитой названіемъ „Червонной Руси“ въ составъ монархіи.

Во второй разрядъ входятъ народы, не господствующіе надъ другими, но пользующіеся достаточнымъ просторомъ для своего всесторонняго развитія и вліяющіе черезъ своихъ представителей въ державной думѣ болѣе или менѣе на судьбы государства, а именно:

1) нѣмецкій, языкъ котораго признанъ государственнымъ и должностнымъ во всей западной половинѣ монархіи за исключеніемъ Галичины;—народъ впрочемъ свободно развивающійся какъ въ нижней, такъ и въ верхней Австріи, въ Сольноградщинѣ (Зальцбургѣ), Тиролѣ, Штиріи, Корутанахъ, Шлезкѣ (Силезіи) и въ частяхъ Чехіи и Моравіи;

2) народъ чешскій, свободно развивающійся въ земляхъ чешской и моравской;

3) народъ словинскій, свободно развивающійся въ Крайнѣ

и 4) народъ итальянскій, который развивается свободно гдѣ-бы онъ не жилъ въ предѣлахъ австро-угорской монархіи,—народъ, который не прочь даже отъ стремленія къ господству надъ кореннымъ населеніемъ Далматіи, Горицы, Истріи и Триеста.

Къ третьему разряду причисляется хорватскій народъ, свободно развивающійся въ земляхъ хорватской и славонской, но не вліяющій на судьбы государства, такъ какъ представители его приговорены къ вѣчному меньшинству на угорскомъ сеймѣ, а въ хорватскомъ сеймѣ рѣшаются только маловажные областные вопросы. Какъ устроить хорваты свои дѣла въ Далматіи еще не

известно, такъ какъ борьба съ мадьярами, прежде господствовавшими надъ ними, еще не кончена, а коренное сербское населеніе края относится къ нимъ крайне не сочувственно; слѣдовательно, и мгновенное вліяніе посредствомъ своихъ представителей въ державной думѣ части хорватовъ на дѣла государства оказывается еще далеко не прочнымъ.

Къ четвертому разряду слѣдуетъ причислить народъ румынскій, у котораго нѣтъ достаточнаго простора для своего развитія, такъ какъ масса его подчинена неограниченному господству инородцевъ. Но есть по крайней мѣрѣ маленькій уголокъ (Буковина), гдѣ частица его дышетъ свободно; да, — непрочъ даже отъ пріобрѣтенія нѣкотораго рода господства надъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, превышающимъ и численно румынское.

Къ пятому разряду принадлежитъ сербскій народъ, хотя не располагающій въ предѣлахъ монархіи ни малѣйшимъ уголкомъ, въ которомъ было-бы ему возможно развиваться или по крайней мѣрѣ свободно дышать, но который однако, по счастью не разнясь въ языкѣ съ хорватами, можетъ безпрепятственно употреблять свой языкъ въ хорватской, славонской и далматинской земляхъ.

Наконецъ въ шестой разрядъ входятъ въ числѣ $5\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ два смежные славянскіе народы, русскій и словенскій, у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго клочка земли, въ которомъ они могли-бы свободно дышать или хоть по крайней мѣрѣ безпрепятственно употреблять свой языкъ, — словомъ нѣтъ уголка, въ которомъ они могли-бы чувствовать себя дома. — Какъ-же этимъ автохтонамъ русскимъ и словенскимъ не любить другъ друга? Какъ не привязываться имъ другъ къ другу? Вѣдь только мы, не шутя, можемъ утѣшать другъ друга тѣмъ благополучнымъ состояніемъ, благодаря которому у насъ никто никакого права отнять не можетъ, такъ какъ у насъ его совсѣмъ нѣтъ «*Cantabit vacuus coram latrone viator*». Мы чувствуемъ себя счастливыми глядя другъ на друга и убѣждаясь, что мы не одни терпимъ, а есть и товарищи нашихъ страданій — *solatium est miseris socios habuisse malorum*. Смежные народы, русскій и словенскій, назначенные для употребленія своими самозванными опекунами лишь въ качествѣ «этнографическаго матеріала», неразрывно связаны между собой уже этой общей имъ злополучной судьбою.

Но хотя-бъ и не было этой исторически развитой связи съ нами, словаки все-таки не могли-бъ соединиться съ чехами, на

каждомъ шагу отрицающимися отъ нихъ въ угоду полякамъ и мадьярамъ, передъ которыми теперь робко склоняются ихъ взоры. Въ главной своей газетѣ *Politik* чехи не только не поддерживаютъ словаковъ и славянъ вообще, но недавно еще объясняли, что они не виновны въ хорватскихъ смутахъ, которымъ они не сочувствуютъ. Чехи, судя по образу ихъ дѣйствія и по содержанию вышеупомянутаго ихъ главнаго органа печати, сущіе обожатели не только поляковъ, но и мадьяръ, помощью звѣрскаго насилія угнетающихъ свыше двѣнадцати милліоновъ коренныхъ жителей восточной половины монархіи, въ числѣ ихъ не только русскихъ, но и словаковъ, у которыхъ они закрыли всѣ среднія учебныя заведенія, основанныя на средства словенскихъ патріотовъ, и единственное литературное общество «Матицу», сконфисковавъ его значительное имущество.—Вотъ тѣ причины, по которымъ нельзя соединиться съ чехами даже ближайшимъ ихъ родственникамъ словакамъ.—Какъ-же намъ соединиться съ чехами? Какъ-же возможно нашимъ газетамъ способствовать такому соединенію? Нѣтъ, пусть насъ извинитъ нашъ патріотъ: такъ поступить газеты наши не могутъ. Мы, конечно, панслависты, какъ мы это ничуть не обинуясь объявили въ нашемъ политическомъ процессѣ; мы искренно любимъ и уважаемъ чеховъ и прочихъ славянъ, признавая племенную связь съ ними, даже не исключая и поляковъ. Мы тронуты болѣе, можетъ быть, нежели сами наши польскія соотечественники, постепеннымъ исчезновеніемъ прусскихъ поляковъ, о чемъ свидѣлствуютъ и многочисленныя статьи нашихъ газетъ. Но взаимная любовь, происходящая отъ племенной связи, и основанное на ней стремленіе къ чисто-духовному объединенію славянъ ничего не можетъ имѣть общаго съ государственнымъ устройствомъ населенныхъ славянами монархій и политикой вообще. Что-же касается до государственнаго устройства и политики, то нашъ народъ можетъ вообще согласиться скорѣе съ нѣмцами, но ничуть не съ чехами.

Нашъ народъ стремится къ ограниченной центральнымъ правительствомъ и державною думою автономіи не одиночныхъ земель или областей (*Kronland*), но народовъ австро-угорской монархіи; а избравъ, согласно съ извѣстнымъ проектомъ административнаго отдѣленія западной части Галичины отъ восточной, подобный путь для полнаго прекращенія самозванной опеки, онъ могъ-бы идти по этому пути дружно съ нѣмецкимъ народомъ или

по крайней мѣрѣ съ значительной его частью. Нашимъ читателямъ не безизвѣстно, что самая знатная, самая видная часть нѣмецкаго народа стремится не менѣе насъ къ водворенію автономіи народовъ, именно въ предѣлахъ чешскаго королевства. Подобно намъ, стало быть, и нѣмцы сознаются въ томъ, что недугъ, препятствующій органическому объединенію, слѣдовательно и желаемому процвѣтанію государственныхъ финансовъ и вообще благосостоянію нашей монархіи, кроется во взаимной борьбѣ разныхъ народовъ, призванныхъ содѣйствовать общему благу имперіи; что борьба эта усиливается по опыту соразмѣрно съ развитіемъ автономіи областей и рождаетъ между народами, стремящимися къ господству и защищающими свою равноправность на узкомъ просторѣ областей, непримиримую взаимную вражду, вносимую и въ палаты державной думы. Противъ этого недуга самымъ вѣрнымъ средствомъ, такъ сказать, единственнымъ даже представляется замѣненіе автономіи областей умѣренной автономіей народовъ, на которой только и возможно основать прочное, непоколебимое могущество и благосостояніе австро-угорской монархіи. Но на этомъ пути мы встрѣчаемъ въ роли противниковъ какъ поляковъ, стремящихся къ особой, давно всѣмъ извѣстной цѣли, такъ и чеховъ, въ патріотизмѣ которыхъ сомнѣваться нельзя, но которые, вопреки прежнимъ своимъ стремленіямъ, такъ сильно увлекаются славой чешской короны, — милостиваго, замѣтимъ между прочимъ, подарка нѣмецкихъ императоровъ, — что, отрицая даже возможность осуществленія автономіи народовъ въ предѣлахъ нашей монархіи, стали недавно упрекать въ своихъ газетахъ нѣмцевъ, добивающихся народной автономіи, въ стремленіи создать опасную для нашей монархіи область въ родѣ итальянскаго Трентина — южной части Тироля.

Кому-же изъ насъ не напоминаетъ это жалости достойное происшествіе тѣ клеветы и доносы нашихъ самозванныхъ опекуновъ, съ которыми нашъ народъ встрѣчается непремѣнно при всякой малѣйшей попыткѣ отстоять свои природныя и законныя права, даже свою народную жизнь, угрожаемую теперь со всѣхъ сторонъ уничтоженіемъ? Неужели намъ поддерживать стремленія чеховъ къ осуществленію автономіи областей и къ упроченію дуализма, обезсиливающаго нашу монархію? Вѣдь это значило-бы отказаться отъ всякой надежды на восстановленіе могущества нашей монархіи, встрѣчаемой нами со времени воплощенія дуализма

на полѣ внѣшней политики лишь въ роли спутницы и планеты нѣмецкой имперіи, что чехамъ, безъ сомнѣнья, столь-же непріятно, какъ и намъ! Вѣдь это значило-бы подписать намъ самимъ свой смертный приговоръ, чего еще сами чехи не требовали и никогда не станутъ требовать отъ насъ!...

Надежда наша на осуществленіе автономіи народовъ касательно языка, школь, церкви и вообще народности ничуть не оставила насъ; она вѣрнѣе въ виду стремленія къ ней нѣмцевъ, которыхъ нельзя не признать, несмотря на мгновенное преобладаніе поборниковъ дуализма и областной автономіи, самымъ важнымъ факторомъ въ нашей монархіи, гдѣ они превышаютъ другія племена и соразмѣрнымъ своимъ богатствомъ и значительнымъ числомъ своей интеллигенціи и вообще высокою степенью образованія. А кромѣ нѣмцевъ стремятся къ народной автономіи и другіе народы, а именно словаки, словинцы, хорваты, сербы, румыны и мы русскіе, слѣдовательно—двѣ трети всего населенія монархіи.

Но положимъ, что мнѣніе дуалистовъ и ихъ приверженцевъ вѣрно; что, слѣдовательно, по какимъ-то, неизвѣстнымъ намъ причинамъ, замѣна автономіи областей умѣренной автономіей народовъ окажется неосуществимой въ предѣлахъ нашей монархіи; мы все-таки не согласимся съ упроченіемъ дуализма и ему родственной автономіи областей, угрожающими нашему народу полнымъ исчезновеніемъ; не согласимся, значитъ, со стремленіями чеховъ и будемъ въ такомъ неожиданномъ случаѣ стремиться къ централизаціи, чтобъ спасти отъ самозванныхъ опеке нашъ народъ и получить возможность желаемого содѣйствія нашихъ представителей галицкой, угорской и буковинской Руси по крайней мѣрѣ въ центральномъ правительствѣ и въ центральныхъ автономныхъ собраніяхъ.

Избравъ этотъ путь, мы опять можемъ идти дружно, въ сожалѣнію, не съ чехами, и тутъ встрѣчаемыми нами въ роли рѣшительныхъ противниковъ, но съ нѣмцами, которые, какъ не увлекаются они превосходствомъ своего развитія надъ нашимъ, все-таки сочувствуютъ нашему безвыходному положенію, вѣрно оцѣняя его неминуемая, крайне печальныя для нашей монархіи послѣдствія,—именно ведущее до безумныхъ можетъ быть крайностей отчаяніе угнетаемыхъ съ одной, и не знающую границъ требовательность и необузданность угнетающихъ съ другой стороны.

Вотъ отчего нельзя въ державной думѣ представителямъ нашего народа, дышащимъ любовью, и искренней любовью, къ чешскому народу, соединить свои, къ сожалѣнію лишь три голоса съ голосами чешскихъ представителей; вотъ почему нашъ народъ не менѣе нѣмецкаго праздновалъ столѣтнюю память великаго императора Іосифа II; вотъ почему чиновники русскаго происхожденія предпочитаютъ государственную службу среди уважающихъ ихъ нѣмцевъ службѣ въ Галичинѣ, гдѣ привязанность къ своей церкви и народности считается почти измѣною государству; вотъ почему русскіе слушатели богословія во львовскомъ университетѣ предпочитаютъ нѣмецкій языкъ польскому; вотъ почему наши земляки привыкли прибѣгать во всѣхъ своихъ нуждахъ къ нѣмцамъ, изъ которыхъ не перестаютъ вспоминать съ благодарностью кромѣ извѣстнаго ученаго профессора Бидерманна, описавшаго угорскую Русь, и знаменитаго писателя Захеръ-Мазоха, всегда сочувственно относящагося къ намъ, братьевъ бароновъ Краусъ и другихъ еще живущихъ многихъ вліятельныхъ лицъ; вотъ почему и нашихъ мучениковъ передъ кассационнымъ судомъ защищалъ знаменитый нѣмецкій адвокатъ, докторъ Менгеръ, членъ державной думы и думы престольнаго города имперіи.

И этотъ знаменитый, высокопочитаемый нѣмецкій адвокатъ не щадилъ своего труда, обусловленнаго необыкновенною сложностью и громадными размѣрами процесса, подобнаго которому еще не случалось разбирать кассационному суду; и защищалъ онъ обвиненныхъ польскимъ судомъ по ихъ собственному сознанию, какъ нельзя лучше. Если-же великій трудъ, предпринятый этимъ знаменитымъ адвокатомъ (замѣтимъ лишь мимоходомъ, что спеціально ради процесса онъ изучилъ русскій языкъ), за который онъ не взялъ ни вейцера, зная крайнюю матерьяльную бѣдность защищаемыхъ, не увѣнчался успѣхомъ—виновать не онъ... Онъ исполнилъ блистательно принятую имъ на себя обязанность, и вѣчною благодарностью обязаны ему наши мученики. Такую обязанность не могъ бы принять на себя адвокатъ—чехъ, такъ какъ онъ, по политическимъ стремленіямъ своего народа, долженъ считать себя союзникомъ нашихъ опекуновъ, въ интересѣ которыхъ лежитъ неоправданіе русскихъ.

Высказавъ здѣсь такимъ образомъ то, что мы остерегались такъ ясно высказывать до сихъ поръ, мы въ правѣ предположить, что нашъ почтенный патріотъ, хотя-бы и не зналъ о той естествен-

ной связи между нашимъ народомъ и нѣмецкимъ, которую съ 1881 года разбирають статьи журнала «Auf der Höhe»,—все-таки сознается въ томъ, что пока чешскій народъ является союзникомъ поляковъ и мадьяръ, обращающихся съ нашимъ народомъ какъ съ этнографическимъ матерьяломъ, нельзя внушать нашимъ читателямъ стремленія въ соединенію съ нимъ, тѣмъ болѣе—совѣтовать разрывъ давней связи съ нѣмецкимъ народомъ, всегда намъ сочувствовавшимъ.

Нѣмцы, правда, ужасно промахнулись, къ сожалѣнію, когда, увлеченные либеральными теоріями, лишили опоры министерство Шмерлинга, стремившееся черезъ конституцію къ объединенію всѣхъ народовъ монархіи; промахнулись, когда, способствовавъ воплощенію дуализма, лишили престольный городъ Вѣну значенія столицы всей монархіи, что и было причиною перенесенія центра тяжести всей монархіи отъ народа нѣмецкаго къ народу мадьярскому, только по фибціи пріобрѣвшему какое-то значеніе; промахнулись, вступивши въ союзъ съ поляками, союзъ, лишившій прежняго обаянія нѣмецкій народъ, и умалившій самостоятельное ихъ вліяніе даже на дѣла западной половины монархіи. Всѣ австрійцы чувствуютъ безъ сомнѣнія до настоящаго времени крайне печальныя послѣдствія этихъ промаховъ, въ числѣ ихъ и мы, русскіе, преимущественно же чехи, у которыхъ, кромѣ всѣмъ намъ общихъ, есть еще и свои, особыя причины въ негодованію на эти промахи.

Съ концемъ первой четверти XVI столѣтія вошли въ составъ габсбургской монархіи два королевства, чешское и венгерское, подъ однимъ и тѣмъ-же условіемъ полной автономіи. Эта автономія была обезпечена законами и грамотами королевствамъ, но нѣтъ сомнѣнья, что пользовались ею преимущественно народы, численно превосходившіе остальные, слѣдовательно, въ земляхъ угорской короны—знатные тогда и богатые вообще дворянствомъ хорваты и словаки, русскіе, румыны и нѣмцы,—словомъ составляющіе до сихъ поръ громадное большинство населенія коренные жители края, которые-то и избрали въ наслѣдственные короли габсбургскаго архи-воеводу Фердинанда, несмотря на сильныя протесты мадьяръ, избравшихъ въ короли Ивана Заполю. Итакъ—право чеховъ на полную автономію основано не на фибціи, какъ у мадьяръ, чего нельзя не признать и намъ, хотя мы, считая его въ настоящее время не соотвѣтствующимъ интересамъ монархіи, требуемъ отъ чеховъ нѣкоторыхъ уступокъ именно на

счетъ этого права. Чехи и въ настоящее время представляютъ не меньшинство, подобно мадьярамъ, а несомнѣнное большинство на-родонаселенія королевства; народъ чешскій и по численности душъ, и по своему богатству и развитію, и по степени своего образова-нія вообще занимаетъ въ нашей монархіи несомнѣнно первое мѣсто за нѣмецкимъ народомъ. Какъ-же не чувствовать этому на-роду болѣе всѣхъ остальныхъ печальныя послѣдствія нѣмецкихъ промаховъ, именно-же дуализма, обезсиливающаго монархію, про-тивъ котораго въ свое время такъ остро высказывались чехи подъ предводительствомъ незабвеннаго Палацкаго?

Мы вполне понимаемъ негодованіе чеховъ, видящихъ, что пол-нѣйшая автономія даруется неподготовленному къ ней и вообще малозначущему народу угро-татарскаго племени въ предѣлахъ той-же имперіи, въ которой отъ знатнаго чешскаго народа тре-буются значительныя уступки на счетъ права, несомнѣнно при-надлежащаго ему на такую-же автономію. Но знаетъ-ли кто поли-тическую партію, никогда не промахнувшуюся? Едва-ли... Если промахъ партій постоянное, такъ сказать, неотлучное отъ чело-вѣческаго несовершенства явленіе, — то зачѣмъ-же упрекать нѣм-цевъ за сдѣланные ими промахи, не вспоминая хоть словомъ и о свѣтлыхъ сторонахъ ихъ дѣятельности, которыхъ въ сравненіи съ промахами не мало? Впрочемъ, если-бъ этихъ свѣтлыхъ сторонъ и не было совсѣмъ, благо монархіи при его настоящемъ крити-ческомъ положеніи требуетъ не упрековъ или негодованія, а исправ-ленія промаховъ, т. е. радикальнаго искорененія зла, что соб-ственно и составляетъ главную задачу всѣхъ народовъ монархіи.

Эта задача не слишкомъ сложна. Южныя границы монархіи недавно, въ какой-бы формѣ не было, но расширились (за оппо-зицію чему и пало собственно нѣмецкое вліяніе); союзъ нѣмцевъ съ поляками давно прекращенъ; слѣдовательно — остается только лѣ-ченіе монархіи отъ злого недуга дуализма, который, основываясь на фикціи, и вводя въ жизнь опасное для государства начало безпредѣльнаго господства меньшинства пришельцевъ надъ гро-маднымъ большинствомъ кореннаго населенія страны, даетъ че-тырехмилліонному мадьярскому народу возможность употреблять звѣрское насиліе для омадьяренія (если можно такъ выразиться) двѣнадцати слишкомъ милліоновъ душъ, лишенныхъ всякаго права и обреченныхъ терпѣть неслыханный произволъ отъ этого незна-чительнаго, полу-дикаго въ общемъ, племени.

Въ виду этихъ печальныхъ послѣдствій дуализма рождаются разные вопросы, а именно:

1) возможно-ли возстановленіе внутренняго спокойствія въ восточной половинѣ монархіи?

2) возможно-ли радикальное прекращеніе ужаснаго явленія, замѣтнаго среди русскихъ, румынъ, нѣмцевъ, сербовъ, хорватовъ, словинцевъ и чеховъ, т. е. среди всего населенія западной половины монархіи до тѣхъ поръ, пока ихъ соплеменники, живущіе въ одной и той-же съ ними монархіи, принуждены жертвовать своимъ имуществомъ, народнымъ развитіемъ и своею кровью единственно ради возвышенія ненавистнаго и чуждаго имъ мадьярскаго племени и даже къ упроченію господства надъ собой этого племени, злоупотребляющаго своимъ привилегированнымъ положеніемъ, основаннымъ исключительно на фикціи?

3) можетъ-ли вообще монархія разсчитывать на безусловную преданность своихъ православныхъ гражданъ—преимущественно въ «оккупированныхъ» провинціяхъ, Босніи и Герцеговинѣ, пока угорское правительство тамъ произвольно распоряжается съ православною церковью и патріархомъ ея; да, даже съ униатскою частью восточной церкви, ничуть не стѣсняясь постановленіями государственныхъ законовъ?

4) можетъ-ли наша монархія, даже если и удалось-бы ей пріобрѣсти полную симпатію государей и ихъ правительствъ на балканскомъ полуостровѣ, надѣяться на прочныя симпатіи и самихъ народовъ, сербскаго и румынскаго,—пока смежные имъ единовѣрцы и единоплеменники сносятъ ужаснѣйшее изъ рабствъ, рабство мадьяръ, навязывающихъ имъ насильственно мадьярскій языкъ, мадьярскіе нравы и возрѣнія, идею мадьярскаго государства, даже мадьярскія имена и фамиліи?

5) возможно-ли соответствующее вполнѣ интересамъ нашей монархіи вліяніе на внѣшнюю политику и руководство этой политикой даже наилучшаго министра иностранныхъ дѣлъ, пока въ одной ея половинѣ вслѣдствіе дуализма господствуетъ не законъ, а произволъ, а дуализмъ этотъ самъ по себѣ препятствуетъ соединенію и единству силъ монархіи и лишь обезсиливаетъ ее?

Вотъ важнѣйшіе вопросы, на которые нельзя не отвѣчать отрицательно, вопросы, которые сами по себѣ впрочемъ какъ нельзя болѣе ясно доказываютъ всѣ вредныя послѣдствія рѣшающаго вліянія мадьяръ, пріобрѣтающихъ всю свою силу единственно изъ

соковъ другихъ народовъ, покоренныхъ ими помощью государственной власти. Благополучное развитіе австро-угорской монархіи мыслимо лишь безъ пагубнаго вліянія мадьяръ; мыслимо оно и безъ вліянія поляковъ, увлекаемыхъ особыми мечтами, вредными цѣлості и могуществу монархіи; но немислимо благополучное развитіе монархіи безъ соразмѣрнаго вліянія народовъ, составляющихъ громадное большинство ея населенія, не мыслимо именно безъ вліянія чеховъ, занимающихъ уже давно въ имперіи самыя вліятельныя должности, и нѣмцевъ, представляющихъ если не ядро, то по крайней мѣрѣ цементъ, связывающій разные народы монархіи.

Если-же безъ вліянія этихъ народовъ немислимо то процвѣтаніе державы, которое столь-же желательно вѣроятно и сосѣдямъ нашимъ, сколь завѣтно и дорого согражданамъ, — то очевидно, не ссоры намъ нужны и упреки, а тѣмъ менѣе еще гнусное униженіе самихъ себя передъ вліятельными благодаря именно этимъ ссорамъ мадьярами и ихъ клеветами поляками, — нѣтъ, напротивъ, нужно и необходимо намъ взаимное согласіе и соединеніе всѣхъ силъ, преимущественно-же силъ чешскихъ съ нѣмецкими, чтобы уничтожить кроющееся въ дуализмѣ неестественное преобладаніе ничтожныхъ собою силъ мадьяро-польскихъ и, отстраненіемъ этого ужаснаго недуга, не только упрочить нарушенный гнетомъ опеки инородцевъ миръ внутренній, но и пошатнувшееся вслѣдствіе разъединенія силъ вліяніе монархіи на политику внѣшнюю. Вотъ какою намъ представляется задача чеховъ, задача по истинѣ величественная и достойная славнаго чешскаго народа! И мы, зная мудрость и проницательность, качества, которыми по свидѣтельству исторіи всегда отличались братья чехи, въ правѣ предположить, что рано или поздно они займутся этою задачей и вполнѣ удовлетворять ожиданіямъ и надеждамъ громаднаго большинства австро-угорскихъ народовъ, всегда готовыхъ поддержать ихъ въ этомъ важномъ предпріятіи напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ. Если чеховъ къ соединенію своихъ силъ съ силами другихъ народовъ, именно нѣмецкаго на первомъ планѣ, не побудитъ печальная судьба русскихъ, румыновъ и южныхъ славянъ, стонущихъ подъ ненавистной имъ мадьярской опекой, то побудитъ ихъ къ этому соединенію несчастная судьба словаковъ, систематически истребляемыхъ и искореняемыхъ звѣрскимъ насиліемъ мадьяръ, и еще болѣе, можетъ быть, плачевное состояніе обезсиленной

дуализмомъ монархіи, съ судьбами которой связаны болѣе чѣмъ кто либо изъ всѣхъ остальныхъ народовъ именно чехи и словинцы.

Мы утверждаемъ это не безъ причины, такъ какъ постепенное раздробленіе нашей монархіи, подготовляемое дуализмомъ, должно отразиться самымъ ужаснѣйшимъ образомъ именно на этихъ народахъ, уже по причинѣ географическаго положенія занимаемыхъ ими областей. О мадьярахъ и полякахъ нечего и говорить. Послѣдніе могутъ осуществить свою завѣтную мечту т. е. возстановленіе самостоятельной Польши въ прежнихъ ея границахъ, отъ моря до моря, только на развалинахъ нашей и еще двухъ сосѣднихъ имперій; они, слѣдовательно, не нуждаются въ могуществѣ австрійской имперіи; они напротивъ стремятся къ крайнему обезсилению трехъ сосѣднихъ имперій продолжительными междуособными войнами, чтобы среди всеобщихъ смуть усилить собою ряды войскъ того изъ сосѣднихъ императоровъ, который на болѣе выгодныхъ условіяхъ согласится обезпечить самостоятельность польской рѣчи посполитой.

Мадьяры тоже не иначе, какъ на развалинахъ нашей монархіи могутъ осуществить свой идеалъ полной самостоятельности, вмѣстѣ и предводительства народовъ, опредѣляемыхъ ими въ составъ необходимой, по ихъ мнѣнію, «дунайской конфедераціи»; слѣдовательно и имъ нужна не сильная и могущественная, а крайне обезсиленная австрійская монархія. Конечно всѣ эти мечты остаются и вѣроятно останутся неосуществимыми мечтами. Отъ мадьяръ и поляковъ, если имъ не будетъ предоставлено господство надъ другими народами, не грозитъ опасность нашей монархіи; они не способны-бы были удержать свою народную самостоятельность, еслибъ ее не даровалъ имъ, въ наказаніе за надменность, Самъ Господь Богъ, творящій чудеса. Мадьярскіе и польскіе дѣятели, мечтающіе о народной самостоятельности, совершенно чужды и ненавистны подвластнымъ имъ народнымъ массамъ, которыя-то и принудили-бы ихъ въ непродолжительномъ времени въ эмиграціи, еслибы не состояла въ ихъ распоряженіи та австрійская армія, которая спасла польскихъ дѣятелей отъ окончательнаго истребленія въ 1846 и 48 гг., мадьяръ въ Семиградіи къ концу XVIII ст., въ предѣлахъ Угорщины въ настоящемъ столѣтіи (1831 г.), а въ предѣлахъ хорватской земли еще въ прошедшемъ 1883 году.

Вѣрить этому мадярамъ и полякамъ не позволяетъ только ихъ извѣстная гордость; слѣдовательно разгромъ нашей монархіи ихъ ничуть не потревожитъ; они напротивъ нетерпѣливо ожидаютъ этого. Русскіе, румыны и сербо-хорваты въ случаѣ такого разгрома нашли-бы себѣ [такой-же пріютъ въ смежныхъ соплеменныхъ государствахъ, какъ и нѣмцы; но какая судьба ожидаетъ въ этомъ случаѣ народы чешскій и словинскій? Отгадать не трудно.

Обружающіе чеховъ съ юга, запада и сѣвера нѣмцы не могли-бы отказаться въ виду защиты своихъ границъ отъ той выгодной стратегической позиціи, которую занимаетъ чешская земля. Тѣ-же нѣмцы, окружающіе словинцевъ съ сѣвера и запада, не могли-бы отказаться и отъ территоріи, занимаемой словинцами, какъ изъ видовъ стратегическихъ, такъ и изъ за громадныхъ выгодъ, представляемыхъ адриатическимъ моремъ, доступа къ которому нѣмцы лишили-бы себя, не присоединивъ словинцевъ. Притомъ оба народа перемѣшаны съ нѣмцами, связаны съ ними и вѣроисповѣданіемъ и азбукой, и вообще такъ пропитаны духомъ запада, что имъ въ случаѣ распадена нашей монархіи невозможно-бы было избѣгнуть тѣснѣйшаго присоединенія къ нѣмцамъ имперіи, въ которой они, благодаря изолированности своей, и исчезнуть не премѣнно.

Изъ всего вышеприведеннаго легко убѣдиться, что не нашъ народъ и не наши газеты мѣшаютъ соединенію нашихъ слабыхъ силъ съ чешскими; но мѣшаетъ польско-мадярская, значитъ не австрійская даже политика чеховъ и чешскихъ газетъ, которой мы должны отказать въ содѣйствіи въ интересахъ какъ нашего русскаго, такъ и самаго чешскаго народа. Нашимъ читателямъ не трудно убѣдиться и въ томъ, что наши политическія газеты не лишены системы и политическаго смысла, если, содѣйствуя по обязанности стремленіямъ нашихъ депутатовъ въ державной думѣ и всего русскаго народа, сосредоточиваютъ свои силы къ достиженію общей всѣмъ намъ цѣли, — значитъ къ прекращенію самозванной опеки, тяготѣющей надъ нашимъ несчастнымъ народомъ, вѣрно предугадывая что, вслучаѣ достиженія этой цѣли, «вся прочая придадутся намъ», такъ какъ она-то и представляетъ знаменіе побѣды не только нашего народа, но и всѣхъ прочихъ народовъ, входящихъ въ составъ австрійской державы — «in hoc signo vinces», «въ семь побѣдиши»!...

Обращаемся къ требованіямъ другихъ нашихъ патріотовъ.

Одинъ изъ нихъ требуетъ, чтобы наши газеты, защищая обрядовую самостоятельность нашей восточной церкви, «болѣе осязательно обнаруживали духъ чисто-католической, такъ какъ народъ нашъ, если мы пренебрежемъ его нерасположеніемъ къ уніи догматической, которой онъ приписываетъ вмѣшательство ненавистныхъ опекуновъ въ наши церковныя и гражданскія дѣла, слѣдовательно все свое теперешнее безвыходное положеніе, раньше или позже, но непременно воссоединится съ православною церковью, а въ такомъ случаѣ народъ лишится связи съ римскою куріей, слѣдовательно и покровительства всего запада (!), который перестанетъ не только сочувствовать намъ, но даже вообще интересоваться нами (!!)

Не мало удивились мы такому требованію нашего почтеннаго патріота, уже потому, что, по свидѣтельству исторіи, ни одинъ народъ міра, не исключая даже народовъ романскаго запада, входящихъ въ составъ латинской церкви, не обнаруживалъ еще такой преданности католицизму и папскому престолу, какую еще не столь давно обнаруживалъ народъ нашъ русскій. Вѣдь нашему патріоту извѣстна отчаянная борьба за унію съ Римомъ митрополита нашего Вельямина Рутскаго, названнаго римскими папами «столбомъ и Атласомъ уніи», даже «Аѳанасіемъ Россіи» — «columna unionis», «Atlas unionis», «Athanasius Russiae» — и всѣхъ какъ его предшественниковъ, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ митрополитовъ безъ изъятія; не безъизвѣстно и ревностное участіе въ этой борьбѣ всѣхъ нашихъ прочихъ первенствующихъ дѣятелей, которые для распространенія и упроченія догматической уніи съ западною церковью не щадили не только братской русской, но и своей собственной крови. Кто же противодѣйствовалъ этимъ дѣятелямъ въ успѣшно начатой борьбѣ? По представленному въ Римъ въ 1624 году вышеупомянутымъ митрополитомъ Рутскимъ достовѣрному доводу, мѣшали успѣху поляки, ихъ духовенство и преимущественно іезуиты, переводившіе въ латинство толпами уніатское духовенство и дворянство, іезуиты, поддерживавшіе даже православныхъ братьевъ русскихъ, чтобъ лишь ослабить силы ненавистой имъ уніатской церкви и присвоить себѣ ея богатства и имѣнія. Почтенному нашему патріоту не безизвѣстно вѣроятно и то, что нѣкоторые изъ русскихъ уніатовъ даже жизнь поплатили въ борьбѣ за унію съ западною церковью, и какъ ужасно

страдала уніатская церковь въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи отъ самозванной опеки поляковъ и ксендзовъ, именно іезуитовъ. Послѣдствіемъ всего этого было лишь то, что при постепенномъ искаженіи и обезображеніи всѣхъ установленій восточной церкви и епископскія кафедры и архимандріи и игуменства—все стали занимать исключительно поляки, а бѣлое духовенство настолько ополячилось, что, не понимая старо-славянскаго языка т. е. языка богослуженія, не умѣя даже читать и писать по русски, стало явно пренебрегать по своему грубому невѣжеству всей нашей святыней. И наступило то, что не могло-было не наступить при столь безвыходномъ положеніи уніатской церкви,—наступило возсоединеніе съ православною русскою церковью, единственное, что и могло только спасти русскій народъ отъ окончательнаго ополяченія. Оправдалось такимъ образомъ пророчество великаго Рутскаго, сказавшаго еще въ 1624 г., что унія, „если не перестанетъ гоненіе ея поляками и ихъ ксендзами—іезуитами неминуемо падеть, такъ какъ не будетъ кому ее защищать“—*quia non erit, qui eam defendat.*—Нашъ патриотъ можетъ убѣдиться и изъ апелляціи нашего страдальца, отца Ив. Гр. Наумовича, недавно напечатанной въ нашихъ газетахъ, что нашъ народъ, несмотря на то, что у насъ не сохранилось ни тѣни установленій восточной церкви, и въ настоящее время не отказывается отъ постановленій флорентинскаго собора, т. е. отъ единственной основы уніи, хотя ему безусловно дозволяютъ это основные законы государства. И мы всѣ, вполне соглашаясь съ мнѣніями вышеупомянутаго митрополита Рутскаго, архіепископа полоцкаго Ираклія Лисовскаго (1796 г.), епископа холмскаго Важинскаго, протоигумена Гусаковскаго (1797 г.), епископа перемышльскаго Снѣгурскаго и митрополитовъ галицкихъ Левицкаго и Яхимовича,—и мы всѣ вѣдь требуемъ лишь полнаго и всесторонняго исполненія условій нашей чисто-догматическоу уніи, поставленныхъ на флорентинскомъ соборѣ.

Или можетъ быть слишкомъ «мало осязательно», по мнѣнію почтеннаго патриота, «обнаруживаетъ католическій духъ» и церковная наша газета «Русскій Сіонъ»? Но вѣдь она, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ подъ цензурою іезуитовъ и воскресенцевъ, и слѣдовательно въ недостаткахъ ея виноваты эти латинскіе монахи, а ничуть уже не мы, несчастные русскіе «измѣнники» и «схизматики».

Но довольно. Разсмотримъ лучше то, чѣмъ-же награждена наша уніатская перекоть, чѣмъ награжденъ нашъ русскій народъ за эту безграничную когда-то преданность и привязанность католицизму и римскому папскому престолу, привязанность, засвидѣтельствованную словами не менѣе, чѣмъ безчисленными краснорѣчивыми дѣлами?

Награда состояла по свидѣтельству исторіи лишь въ усиленіи гоненій, воздвигнутыхъ поляками противъ уніатовъ и доходившихъ, по достовѣрнымъ запискамъ писателя того времени отца Бродовича до того, что польскіе суды казнили толпами, не исключая и священниковъ, невиннѣйшихъ уніатовъ единственно изъ завненависти къ ихъ русской народности; а что гоненія эти не прекращались и до настоящаго времени, объ этомъ свидѣтельствуешь и недавній нашъ политическій процессъ и другія, крайне печальныя происшествія. Неустрашимый поборникъ постановленій флорентинскаго собора; от. Ив. Гр. Наумовичъ; посвятившій всю свою жизнь благочестивому истинно-христіанскому воспитанію нашего народа, слѣдовательно заслуженнѣйшій священникъ и патріотъ, — послѣ испытанныхъ неимовѣрныхъ всестороннихъ гоненій подвергнуть своею собственною епархіальною властью великому отлученію отъ церкви, лишенъ и прихода и всѣхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. Самъ митрополитъ, вѣроятно по внушенію иезуитовъ подписавшій этотъ приговоръ, противъ котораго — то и направлена вышеупомянутая апелляція о. Наумовича, лишенъ своего сана; трудолюбивые, опытные поборники уніи, крылошане отцы Малиновскій и Жуковскій, лишены своихъ должностей; мы всѣ, и священники и міряне лишены всякаго вліянія въ дѣлахъ собственной нашей церкви, которымъ свободно пользуются наши самозванные опекуны для своихъ чисто-политическихъ цѣлей....

Причина этихъ странныхъ явленій кроется именно въ томъ, что отъ насъ никто и не требуетъ придерживаться постановленій флорентинскаго собора, значить уніи съ западною церковью; напротивъ отъ насъ требуютъ совершенно отказаться отъ этихъ постановленій, отказаться даже вмѣстѣ съ тѣмъ вообще отъ благочестія и отъ всякаго проявленія самостоятельной народной и церковной жизни, такъ какъ и рѣшеніе о проявленіяхъ нашей жизни въ томъ или другомъ отношеніи входитъ въ кругъ дѣйствій нашей самозванной опеки, которой лучше всего извѣстенъ

путь ведущій посредствомъ латинизаціи прямо къ ополяченію, т. е. въ польскій рай или иными словами ко «спасенію» русскаго народа.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, особенно въ настоящее время, когда сыны и даже священники западной церкви обращаются съ нами какъ съ товаромъ, лишеннымъ всякаго чувства, всякихъ вѣрованій и убѣжденій, или, по крайней мѣрѣ, какъ съ толпою рабовъ, обязанныхъ безусловно исполнять подъ угрозою строжайшаго наказанія повелѣнія своихъ господъ, іезуитовъ и воскресенцевъ, но лишенныхъ всякаго права пользоваться выгодами и защитою какихъ-либо постановленій и законовъ, — не толковать объ ужасныхъ обидахъ, ежедневно наносимыхъ намъ на каждомъ шагу и о безвыходномъ положеніи нашей церкви вообще; да, даже наоборотъ «обнаруживать болѣе осязательно», какъ этого требуетъ нашъ патріотъ, «привязанность нашего народа къ католицизму», съ которыми кромѣ того привыкли отождествлять себя именно наши опекуны-мучители, а въ частности іезуиты и воскресенцы, — нашимъ политическимъ газетамъ невозможно, разъ онѣ не желаютъ оскорблять священнѣйшихъ чувствъ своихъ читателей и вредить своему народу ни къ чему не ведущими и вполне излишними «остентаціями».

Да и излишне вообще свидѣтельствовать намъ свои увѣренія въ преданности католицизму, которой отъ насъ никто и не требуетъ, такъ какъ домогаются отъ насъ лишь ополяченія нашего народа, и именно путемъ истребленія установленій восточной нашей церкви т. е. путемъ латинизаціи. Вредно вообще такое увѣреніе и среди благопріятствующихъ обстоятельствъ, такъ какъ *incusat se* согласно латинской пословицѣ *qui se excusat*, а тѣмъ болѣе опасны подобныя увѣренія въ настоящее время гоненій, такъ какъ нашими опекунами они могутъ быть лишь употреблены какъ доказательство, что имъ удалось уже настолько сломить въ насъ чувство самостоятельности, что мы, переставъ чувствовать обиды, наносимыя нашей церкви, согласны даже съ ея латинизаціей, а слѣдовательно и съ ополяченіемъ нашего народа. Подобныя доказательства и вытекающіе отсюда выводы поляковъ послужили бы лишь поводомъ новыхъ свирѣпыхъ гоненій, какими всегда награждалась, какъ указано выше, впродолженіи трехъ столѣтій связь русскаго народа съ католицизмомъ.

Если почтенный патриотъ нашъ дѣйствительно уже столь опасается воссоединенія народа нашего съ православіемъ, то онъ долженъ со всѣми поборниками уніи не только избѣгать содѣйствія къ ведущей лишь къ гоненіямъ мистификаціи папскаго престола посредствомъ какихъ бы то не было увѣреній въ «преданности католицизму», а напротивъ обнаруженіемъ настоящаго положенія дѣлъ неустрашимо содѣйствовать возстановленію нарушеннаго непрошенной опекой порядка въ нашей церкви не на основаніи какихъ-либо милостей, а на единственномъ прочномъ основаніи постановленій флорентинскаго собора такимъ образомъ, чтобъ и митрополитъ и наши прочіе архіереи, и черное безбрачное и бѣлое женатое духовенство и составляющіе по словамъ ап. Петра «родъ избранный, царственное священство, народъ святой» — міряне свободно, безъ постороннихъ вліяній, могли пользоваться правами принадлежащими имъ, какъ на областныхъ и епархіальныхъ соборахъ, такъ и внѣ ихъ во всякомъ направленіи.

Остается разсудить о томъ, вѣрно-ли предположеніе нашего патриота, что только «обнаруженіемъ католическаго духа въ нашихъ газетахъ мы можемъ рассчитывать на покровительство всего запада», который очевидно представляется ему могущественнымъ и даже мѣродательнымъ на ходъ нашихъ дѣлъ.

Мы не знаемъ, что подразумѣваетъ нашъ почтенный патриотъ, съ которымъ лично встрѣчаться намъ не случалось, подъ названіемъ «запада»; но мы въ правѣ предполагать, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ не нашу австро-угорскую монархію и не дальній американскій западъ. Нашу монархію уже потому, что она по своему географическому положенію и входящимъ въ составъ ея народамъ, да, даже по самому своему названію (Oesterreich, вѣрнѣе Ostereich, Ostreich) не принадлежитъ и не можетъ причисляться къ западу, а смотря на существующіе въ ней законы, по которымъ каждому позволено отказаться не только отъ католическаго, но и отъ всякаго вѣроисповѣданія вообще, не можетъ быть причислена и къ числу державъ, покровительствующихъ какому-либо народу изъ-за вѣроисповѣданія, именно изъ-за католицизма. — Не могъ патриотъ нашъ подразумѣвать и дальній американскій «западъ», такъ какъ Америка уже по своему географическому положенію не можетъ интересоваться нашимъ народомъ. Впрочемъ католическій югъ Америки, истощенный революціями и безъ того, по случаю частыхъ нарушеній конкорда-

товъ, живетъ болѣе или менѣе въ несогласіи съ римскою куріей и самъ собою безсиленъ; могущественный-же сѣверъ съ своимъ преимущественно не католическимъ населеніемъ принимаетъ съ насмѣшкой случайно доходящія до него вѣсти о нашихъ церковныхъ преніяхъ, презирая вслѣдствіе развитія тамъ матеріализма всякія религіозныя убѣжденія. — Едва-ли могъ имѣть въ виду нашъ патріотъ и могущественную по мнѣнію многихъ поверхностно-разсуждающихъ политиковъ нѣмецкую имперію, такъ какъ эта имперія, занимая середину Европы, не можетъ быть причислена къ державамъ, относящимся благосклонно къ католицизму: вѣдь недавно еще она праздновала торжество трехсотлѣтняго юбилея реформатора Лютера, и въ самой ней на очереди стоитъ отчаянная борьба съ католицизмомъ — Kulturkampf, — борьба, не рѣшенная еще судьбою. Замѣтимъ даже, что нѣмецкая имперія какъ разъ наоборотъ по очень естественнымъ причинамъ могла-бы оказать намъ даже свое покровительство, еслибъ мы своимъ соединеніемъ съ православіемъ уменьшили число враговъ ея. Тоже самое возможно сказать и о могущественной (на долго-ли? сомнѣваемся) царицѣ западныхъ морей, Англіи, въ которой съ незапамятныхъ временъ подвергнуты свирѣпому гоненію несчастные ирландцы, преимущественно изъ-за исповѣдымаго ими католицизма, и въ которой еще недавно народъ сжегъ публично портретъ папы римскаго и издалъ законъ, въ которомъ объявлены недействующими въ предѣлахъ Велико-Британіи всѣ распоряженія римской куріи.

Не могъ имѣть въ виду нашъ патріотъ и покровительства Испаніи, слишкомъ отдаленной отъ насъ, которая, кромѣ того не смотря на свое крайнее безсиліе, обусловленное непрерывными революціями и междоусобицами, стоитъ уже давно въ борьбѣ съ римскою куріей, нарушая и въ настоящее время на каждомъ шагѣ конкордаты, и которая, слѣдовательно, не оказала-бы намъ своего покровительства изъ-за «обнаруженія католицизма», да и не была хотя-бы и хотѣла, въ состояніи оказать его, крайне нуждаясь и сама въ поддержкѣ другихъ государствъ. — Безсиліе не позволяетъ оказать кому-либо покровительства и вообще мѣшаться въ чужія дѣла и тѣмъ малымъ государствамъ европейскаго запада, которыя нуждаются сами не мало въ покровительствѣ великихъ державъ, охраняющихъ ихъ отъ окончательнаго поглощенія могущественными сосѣдними государствами; но и не будь даже этого безси-

лія, они и то не оказали-бы нашему народу никакого покровительства изъ-за католицизма. Именно не оказала-бы католическая Бельгія, живущая въ несогласіи съ римской куріей, прогнавшая даже не столь давно изъ своихъ предѣловъ папскаго нунція; не оказала-бы покровительства намъ и католическая Португалія, замѣнившая, какъ извѣстно, всѣхъ епископовъ, назначенныхъ королемъ Мигуэлемъ и утвержденныхъ римскимъ папскимъ престоломъ, несмотря на всѣ протесты Рима,—другими, назначенными королемъ Педро, и тоже изгнавшая изъ своихъ предѣловъ апостолическаго нунція. О мелкихъ протестантскихъ государствахъ, именно о Швеціи, Норвегіи, Даніи, Голландіи и Швейцаріи, нечего и говорить, такъ какъ въ нихъ католицизмъ подвергается просто гоненію или, по крайней мѣрѣ, кипитъ борьба, направленная противъ него (Kulturkampf) не менѣе, чѣмъ въ Англии и нѣмецкой имперіи.

Слѣдовательно, нашъ почтенный патріотъ могъ имѣть въ виду единственно два государства, входящія въ число великихъ, именно Францію и Италію, населеніе которыхъ считается вообще католическимъ. Но не кроется-ли горькая иронія въ возбужденіи у насъ надежды на покровительство нашему народу изъ-за «обнаруженія католическаго духа» Франціей и Италіей? Вѣдь государства эти уже по своему географическому положенію мало интересуются судьбами нашего народа; притомъ имъ и не по силамъ оказать настоящаго покровительства нашему или какому-либо иному народу; да кромѣ того они и не оказали-бы покровительства этого ради «обнаруженія католицизма», если-бы и могли даже, такъ какъ сами стоятъ въ борьбѣ съ католицизмомъ и главой его, отчасти даже съ христіанствомъ вообще, уступающимъ здѣсь постепенно свое господство матеріализму и пантеизму, иначе говоря язычеству.

Въ состояніи-ли оказать какое-либо выдающееся покровительство нашему народу Франція, потерявшая всякое нравственное вліяніе на дѣла Европы вслѣдствіе ужаснаго удара, недавно нанесеннаго ей нѣмцами, отъ котораго она не успѣла еще оправиться и до настоящаго времени, да и не оправится такъ скоро, такъ какъ у нея введена республиканская форма правленія, благодаря которой финансы ея истощены, а сама она вовлечена въ азіятскія и африканскія предпріятія крайне сомнительнаго исхода?

Возможно-ли нашему народу изъ-за обнаруженія чисто-католическаго духа полагать или по крайней мѣрѣ надѣяться на какую-либо нравственную поддержку, или хотя на сочувствіе страны, вродѣ республиканской Франціи, которая мало того, что живетъ въ борьбѣ съ католицизмомъ и главою его, но изгнала изъ своихъ предѣловъ тѣхъ монаховъ-іезуитовъ, признавать неограниченное господство которыхъ безпрекословно—значить у насъ быть католикомъ; изгнала изъ всѣхъ школъ христіанское вѣроученіе вообще, да даже знамя нашего спасенія—изображеніе Честнаго и Животворящаго Креста Господня? Вотъ вопросы, на которые нельзя не дать вполне отрицательнаго отвѣта.

Можетъ-ли оказать нашему народу какую-либо выдающуюся поддержку и Италія, только что принятая въ число великихъ державъ, которая, объединивъ недавно части народа, привыкшія къ разнымъ формамъ правленія, такъ занята своимъ устройствомъ и внутренними дѣлами вообще, а отчасти и соперничествомъ съ Франціей, что ей крайне опасно мѣшаться въ чужія дѣла? Возможно-ли ожидать покровительства или поддержки нашему народу изъ-за обнаруженія имъ католицизма отъ королевства Италіи, основатель и первый король котораго умеръ въ великомъ отлученіи отъ церкви; отъ Италіи, которая вмѣстѣ со своимъ нынѣшнимъ королемъ продолжаетъ жить въ ожесточенной борьбѣ съ католицизмомъ, видя въ папѣ римскомъ, стремящемся къ возстановленію церковной области (Patrimonium Petri),—непримиримаго и опаснѣйшаго врага своего единства, слѣдовательно своей славы, своего развитія и могущества, своего благополучія вообще? Вотъ опять вопросы, на которые и самъ нашъ патріотъ дастъ, какъ мы въ правѣ предполагать, вполне отрицательный отвѣтъ.

Въ виду всего вышешриведеннаго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что нашему народу нельзя надѣяться изъ-за «остентативнаго обнаруженія католическаго духа» ни на выдающееся покровительство, ни на малѣйшую нравственную поддержку «запада», такъ какъ тамъ могущество безъ изъятія у протестантовъ, враждебно расположенныхъ къ католицизму, а бессиліе у католиковъ, живущихъ безъ изъятія въ несогласіи или даже въ открытой борьбѣ съ главою католицизма. Изъ подобнаго положенія вещей вытекаетъ невольно самъ собой новый вопросъ: нуждается-ли вообще нашъ народъ въ какой-бы то ни было поддержкѣ

запада?... И мы ничуть не задумываемся и на этот вопрос отвѣ-
тить отрицательно.

Нашъ народъ нуждается болѣе другихъ народовъ, не угнетае-
мыхъ самозванными опеками, охотно въ томъ сознаемся въ покрови-
тельстве высокыхъ и руководящихъ сферъ, дабы и онъ могъ
безпрепятственно пользоваться, подобно другимъ народамъ дер-
жавы, всѣми выгодами государственныхъ законовъ; но никакъ не
нуждается онъ въ покровительствѣ вполнѣ чуждыхъ ему во вся-
комъ отношеніи государей западныхъ и государствъ западныхъ,
представителей этого черезъ-чуръ уже гордаго, но тѣмъ не менѣе
отживающаго уже вѣкъ свой дряхлаго Запада, къ которому при-
мѣнима лишь пословица «qui sibi molus, cui bonus» или-же «me-
dice cura te ipsum»...

* * *

*

Переходимъ ко взглядамъ другаго нашего патріота, требующаго
постояннаго обнаруженія въ нашихъ газетахъ непоколебимой пре-
данности и вѣрности нашего народа къ престолу и государству,
такъ какъ наши самозванные опекуны обвиняютъ насъ въ кокет-
ничаніи съ Россіей и нелояльности вообще, и на этихъ-то сплет-
няхъ они и успѣли основать свое неограниченное надъ нами
господство. Требованіе въ самомъ дѣлѣ странное не менѣе, чѣмъ
выше указанное относительно церкви, такъ какъ въ вѣрности и
своему государю и государству вообще, доказанной нашимъ наро-
домъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, во всѣхъ даже самыхъ
критическихъ обстоятельствахъ, ни малѣйшаго сомнѣнья никогда
не было и не могло даже возникнуть въ головѣ серьезнаго и не-
предубѣжденнаго наблюдателя... Кто хотя только поверхностно
вникнулъ въ исторію нашей монархіи или въ ученые изслѣдо-
ванія, касающіяся особенно нашего народа, вродѣ прекрасныхъ
напр. трудовъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго профессора Бидер-
манна («Die ungarischen Ruthenen» и «Russische Umtriebe»), тому
извѣстны, какъ трехсотлѣтніе почти непрерывные бунты мадьяръ,
направленные противъ царствующаго габсбургскаго дома и цѣль-
ности монархіи, такъ и предпріятыя съ тою-же цѣлью «повста-
нія» поляковъ въ 1809, 1846 и 1848 гг.; тому извѣстно и то, что
во всѣхъ этихъ бунтахъ, несмотря на угрозы и разныя ловушки,
употребляемыя нашими непрошеными опекунами, русскіе жи-
тели Галичины, Угорщины и Буковины не только не участвовали,

но, поддерживая съ крайнимъ самоотверженіемъ законную власть и австрійскую армію, наоборотъ способствовали ихъ усмиренію.

Къ составу австрійской монархіи принадлежитъ Угорская Русь уже триста пятьдесятъ, а Галицкая и Буковинская уже сто слишкомъ лѣтъ, но не было случая, который-бы поколебалъ врожденныя и старательно воспитуемыя русскою церковью вѣрноподданическія чувства нашего народа, который напротивъ показалъ свою готовность жертвовать въ пользу своего государя и государства во всякую критическую минуту всѣми выгодами жизни, своимъ имуществомъ и своею кровью, не подражая ни примѣру своихъ опекуновъ, увлекаемыхъ заграничными событіями въ 1809, 31, 46 и 48 гг., ни вообще иностранною политикой. Въ виду столь краснорѣчивыхъ фактовъ русскій народъ, который бывало въ тѣсномъ своемъ отечествѣ обвиняли опекуны въ поддержкѣ стремленій такъ называемой вѣнской камарилліи, да и теперь не перестаютъ называть «Шварцгельберомъ», а въ державной думѣ по долголѣтнимъ опытамъ считали всегда «инерлояльнымъ», — едва ли нуждается въ непрерывныхъ комментаріяхъ своихъ заслугъ, своей образцовой безуборизненности. Словами прикрываются, какъ сказалъ извѣстный французскій дипломатъ Талейранъ, мысли, да пожалуй и факты; слова, слѣдовательно, для насъ излишни, такъ какъ у насъ нѣтъ, слава Богу, чего скрывать, и мы убѣждены что не краснорѣчивыя по себѣ дѣла нуждаются въ подкрѣпленіи словами, а слова—въ подкрѣпленіи дѣлами. Словами и увѣреніями должны прикрывать свои мысли и стремленія, свои бунты и повстанія наши опекуны, живущіе какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ склонѣ бескидскихъ горъ, и мы имъ въ этомъ мѣшать не можемъ, да и не намѣрены; вѣдь и въ такомъ явленіи кроется крупица пользы и для насъ самыхъ.

При всемъ томъ не было у насъ недостатка и въ словахъ, выражавшихъ вѣрноподданическія чувства нашего народа, что свидѣтельствуется всѣ рѣчи, произнесенныя представителями нашего народа въ автономныхъ собраніяхъ, всѣ произведенія нашей печати безъ изъятія, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя было не обнаружить нашего безвыходнаго положенія. Если-же наши опекуны, несмотря на то, что явно обнаруживаютъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ стремленіе къ возстановленію независимой польской рѣчи посполитой и считаютъ своею обязанностью до сихъ поръ прославлять обожаемыхъ ими мадьярскихъ

и польскихъ подвижниковъ возстанія 1849 года, особенно-же главнаго его виновника, служащаго имъ оракуломъ, все-таки успѣли покрыть и свои и наши дѣла, всю 350-ти-лѣтнюю исторію нашей монархіи туманомъ пустыхъ словъ и увѣреній:—это конечно непонятное и крайне печальное для насъ явленіе, но мы соперничать съ ними на словахъ не въ состояніи, такъ какъ въ ихъ рукахъ и правительство и автономныя собранія и проистекающее отсюда богатство, которому всѣ усердно поклоняются и служатъ, даже наши льстецы, и не мало вліятельная печать; словомъ—у нихъ сила и могущество, а у насъ господствуетъ, какъ это подъ гнетомъ самозванной опеки и не можетъ быть иначе, крайняя бѣдность и сопутствующее ей безсиліе.

Итакъ пустыя и ничѣмъ не оправдываемыя слова нашихъ опекуновъ взяли преимущество надъ краснорѣчивыми дѣлами нашего народа. Но долго-ли будутъ пользоваться наши опекуны этой побѣдой, достигнутой пустыми словами. Это вопросъ, на который мы, взвѣсивъ силу словъ съ силой историческихъ событій и фактовъ, въ правѣ дать отвѣтъ отрицательный, и отрицательный потому, что не одинъ нашъ народъ подвергнуть гоненію, а подвергнуты ему и прочіе, мѣшавшіе по своей непоколебимой вѣрности успѣхамъ мадьярско-польскихъ бунтовъ въ 1848 и 49 годахъ.

Вѣдь ужасное гоненіе, поднятое не только противъ народа русскаго, но и противъ всѣхъ прочихъ, отличившихся и отличающихся до сихъ поръ преданностью государю и государству, противъ немадьярскихъ народовъ Угорщицы—нѣмецкаго, словенскаго, хорватскаго, сербскаго, румынскаго—не допускаютъ сомнѣнья, что всѣ эти народы страдаютъ лишь за свою вѣрность, обнаруженную въ польско-мадьярскихъ бунтахъ; что гоненіе это составляетъ *систему*, имѣющую въ виду съ одной стороны наказывать помогавшихъ въ усмиреніи бунтовъ, а съ другой стороны и препятствовать на будущее время такому содѣйствію.

Чѣмъ-же оправдаютъ наши опекуны общее гоненіе на всѣхъ почти безъ изъятія, болѣе или менѣе мѣшавшихъ польско-мадьярскимъ бунтамъ? Чѣмъ оправдаютъ нападки своихъ газетъ на нашу молодежь львовской духовной семинаріи изъ-за того, что она предпочитаетъ преподаваніе извѣстныхъ предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ преподаванію на языкѣ польскомъ? Развѣ обвиненіемъ нашего народа въ кокетничаніи съ Россіей, или вѣр-

нѣе тѣмъ фактомъ. что насъ съ «москiевскимъ» русскимъ народомъ связываетъ и общее происхожденiе и общая древняя исторiя и общiй языкъ и общiй обрядъ церковный и надежда соединенiя всей русской церкви, надежда прекращенiя раздора въ церкви христiанской? Но такое оправданiе едва-ли удастся, такъ какъ нашъ народъ за все то, что неразрывно связываетъ его съ «москiевскими» братьями столь-же мало отвѣтственъ, какъ мало отвѣтственны и другiя народы монархiи, въ числѣ ихъ и сами поляки за тѣ узы, которыми они связаны съ сосѣдними государствами и «закордонными» своими соплеменниками. Единственный народъ мадьярскiй не граничитъ въ нашей монархiи съ своими соплеменниками, но это не мѣшаетъ и ему переселять мадьяръ изъ Буковины въ Угорщину, не мѣшаетъ обнаруживать своей братской любви къ родственникамъ-финнамъ и лопарьямъ, живущимъ далеко отъ него. А если кто прочтетъ докладъ совѣта министровъ императора Леопольда I, сообщенный въ сочиненiи Szirmaу «Notitia Comitatus Zempliniensis», тотъ узнаетъ, что мадьяры еще въ XVII вѣкѣ желали политическаго и государственнаго соединенiя съ очень далекими своими родственниками турками. Впрочемъ такое странное желанiе обнаружилось уже со дня избранiя австрiйскаго эрцгерцога Фердинанда въ угорскiе короли, въ концѣ первой четверти XVI столѣтiя, и повторилось на нашихъ глазахъ во время русско-турецкой войны, по крайней мѣрѣ мадьярской учащеюся молодежью, не смотря даже на существовавшiй тогда союзъ трехъ сосѣднихъ императоровъ. Если мадьяры въ продолженiи цѣлыхъ вѣковъ не только обнаруживали желанiе слиться съ далекими своими родственниками въ одно государство въ ущербъ нашей монархiи, но на самомъ дѣлѣ бунтовали противъ законнаго своего государя, то подъ предводительствомъ, то при помощи турокъ, да просили даже еще не столь давно — не далѣе 1849 года — Его Величество Императора Всероссiйскаго о назначенiи имъ въ угорскiе короли одного изъ членовъ Августѣйшей Царской Семьи, чтобы оторваться такимъ образомъ отъ Австрiи (просьба, какъ нелояльная, отвергнутая самою высоко-рыцарскихъ и идеально-честнымъ и возвышеннымъ поборникомъ правды, закона и порядка блаженной памяти Императоромъ Николаемъ I); и если поляки не пропускали и не пропускаютъ удобнаго случая явными возстанiями или по крайней мѣрѣ преступными рѣчами свидѣтельствовать о намѣренiи своемъ

возстановить рѣчь посполитую, независимую и отъ нашей державы; — то, спросимъ, — неужели *повѣритъ* кто-либо тѣмъ-же мадьярскимъ и польскимъ нашимъ опекунамъ, что не они во всемъ виноваты и опасны австро-венгерской монархіи, а виноваты во всемъ и опасенъ нашъ народъ, и виноваты ради родственной своей связи съ русскими-же братьями; виноваты и опасенъ, несмотря на то, что никогда еще не бунтовалъ, а наоборотъ всегда оказывался вѣрнопопданѣйшимъ, не увлекающимся никакими политическими мечтами.

Вѣдь пробовали-же обвинять и нашихъ русскихъ дѣятелей въ недавно разбиравшемся политическомъ процессѣ въ новой «измѣнѣ»; пробовали при содѣйствіи польскому суду даже самого угорскаго министра-президента. И что-же оказалось? Несмотря на громадный матеріалъ, собранный для обвиненія изъ всей Угорщины, Галичины, Буковины, да даже изъ Триеста и нижней Австріи, — кромѣ объявленнаго одной общиной желанія воссоединиться съ православной церковью, что закономъ не только не запрещено, но явно дозволено, — не было никакого факта, на основаніи котораго можно-бы было обвинить подсудимыхъ, такъ что обвиненіе по необходимости ограничилось ссылками на предполагаемыя чувства и мысли, чувства и мысли, доказывавшія лишь вѣрность, оказанную подсудимыми и государю своему и государству, въ самыя критическія для существованія его минуты!!!...

Не можетъ не помнить нашъ почтенный патріотъ въ чемъ именно обвинялся напримѣръ пишущій эти строки, одинъ изъ главныхъ подсудимыхъ по львовскому процессу, самымъ важнымъ свидѣтелемъ въ которомъ со стороны обвиненія былъ выставленъ самъ мадьярскій министр-президентъ. Вѣдь г. Тисса явно высказалъ что старивъ Добрянскій, состоявшій всегда подъ строжайшимъ полицейскимъ надзоромъ въ виду предполагаемаго въ немъ соучастія къ русскому народу, велъ себя безукоризненно начиная съ 1862 года, а въ послѣднее время даже «слишкомъ спокойно»; что онъ, Тисса, тѣмъ не менѣе однако считаетъ виновнымъ Добрянскаго въ государственной измѣнѣ за прежнія его дѣйствія, а именно главнымъ образомъ:

1) за то, что онъ въ 1849 году въ качествѣ уполномоченнаго австрійскаго армейскаго комиссара оказалъ себя сторонникомъ русскихъ; значитъ преданнымъ всецѣло по обязанности австрійскому царствующему дому, своему русскому народу и русскимъ

войскамъ, приспѣвшимъ на помощь законному австрійскому императору, а наоборотъ—врагомъ революціоннаго правительства, возставшаго противъ габсбургской династіи, даже отказавшаго ей въ правѣ законнаго наслѣдія угорской короны;

2) за то, что Добрянскій, по мнѣнію министра-президента, обожаемый всѣмъ угро-русскимъ народомъ за обнаруженные имъ русскія чувства, издалъ въ 1861 году даже въ нѣмецкомъ переводѣ свою сеймовую рѣчь, въ которой защищалъ права не только русскихъ, словаковъ и южныхъ славянъ, но и румыновъ и нѣмцевъ—словомъ всѣхъ народовъ Угорщины и доказалъ на основаніи угорскихъ-же законовъ несостоятельность мадьярскихъ требованій, клонившихся уже явно и въ то время къ разрыву единства монархіи...

Причины гоненій и нашего и всѣхъ прочихъ народовъ, мѣшавшихъ успѣху мятежей, направленныхъ противъ законнаго государя и государства слишкомъ ясны; маскировать ихъ на долго рѣшительно невозможно.

Словами, конечно, возможно злоупотреблять; возможно доказывать и то, что отличившіеся во всѣхъ критическихъ минутахъ непоколебимою вѣрностью государю и отечеству народы, разъ они не желаютъ служить подножіемъ другихъ, возвеличивающихъ себя и хвастающихся своимъ исключительнымъ положеніемъ,—что народы эти не вѣрны, не благонадежны, даже опасны, а народы, бунтовавшіе при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ противъ своего государя и монархіи, что они именно и отличаются благонадежностью, такъ какъ непрерывные ихъ бунты, происходившіе исключительно изъ привязанности къ своимъ, хотя и мнимымъ только правамъ, служатъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ—стойкости ихъ «рыцарскаго» характера. Словами можно, какъ мы не столь давно еще убѣдились изъ статьи одной вѣнской нѣмецкой газеты, покончившей нынѣ грустное свое существованіе «Tri-büne», доказывать и то, что наши мадьярскіе и польскіе опекуны призваны судьбою къ господству, которому обязаны подчиниться народы, опредѣленные тою-же судьбою къ вѣчной второстепенной роли, въ числѣ ихъ именно и нашъ народъ русскій.—Словами можно обвинять и католиковъ-хорватовъ и православныхъ сербовъ, и католическихъ большею частью, частью протестанскихъ словаковъ точно съ такимъ-же правомъ въ ужасномъ преступленіи, по мнѣнію мадьяръ и поляковъ, именно въ сочувствіи къ

русскимъ, въ такъ называемомъ руссофильствѣ или панславизмѣ, какъ и нашъ «москалефильскій» русскій народъ; въ этомъ преступленіи возможно, пожалуй, обвинить всѣхъ, стремящихся очистить литературный и церковный свой языкъ отъ чуждой ему иноземной примѣси, точно также румыновъ, напимѣръ, какъ и саксонскихъ нѣмцевъ Угорщины или Семиградія. Словомъ возможно упрекать всѣ эти народы въ неблагонадежности, даже въ крайне опасныхъ стремленіяхъ; и въ этомъ упрекѣ будетъ доля правды, такъ какъ всѣ эти народы, безъ изъятія, доказывали краснорѣчивыми дѣлами при каждомъ удобномъ случаѣ безграничную свою преданность законному своему государю и государству, а слѣдовательно, помѣшавъ именно этими дѣлами успѣху мадыарско-польскихъ бунтовъ, тѣмъ самымъ оказались неблагопріятствующими мятежамъ и крайне опасными съ точки зрѣнія узкихъ польско-мадыарскихъ интересовъ. Словами возможно доказывать и то, что ополяченіе и омадыареніе всѣхъ народовъ австро-угорской монархіи, преимущественно-же вышеупомянутыхъ, составляющихъ почти половину всего населенія,—крайне желательно и при продолжительномъ безусловномъ мадыарско-польскомъ господствѣ достижимо...

Но на долго-ли возможно подобнаго рода нелѣпостями одурачивать лишь и себя и другихъ, скрывая систему эксплуатаціи монархіи посредствомъ чуждаго ей интереса осуществленія мадыарскихъ и польскихъ мечтаній и идеаловъ? На этотъ прямой вопросъ мы въ правѣ отвѣтить отрицательно. Нашъ народъ пережилъ не мало гоненій отъ времени своего покоренія польскимъ королемъ Казиміромъ въ XIV столѣтіи; онъ и теперь переноситъ ужаснѣйшія гоненія, гоненія, которыхъ посредствомъ словъ и «увѣреній» прекратить нельзя, но которыя сами рано или поздно, надѣмся, прекратятся въ виду фактовъ, краснорѣчиво доказывающихъ какъ нашу правду, такъ и ложь и обманъ, къ которымъ принуждены прибѣгать наши самозванные мучители-опекуны.

Кто считаетъ на долго возможнымъ предоставленіе судебъ нашей монархіи на произволъ мадыарско-польскихъ дѣятелей, тотъ не вѣритъ въ будущность габсбургской державы. Еще болѣе—онъ не вѣритъ и въ будущность нашего народа. Не такого взгляда мы, а поэтому и считаемъ всякаго рода «увѣренія», каковыхъ отъ насъ требуетъ патріотъ нашъ, ни къ чему не ведущими и лишь вредными въ настоящую эпоху гоненій. Не слова наши, а факты

должны возвратить намъ отнятыя у насъ священнѣйшія наши права...

* * *

Обратимся теперь къ странному требованію нѣкоторыхъ выдающихся нашихъ патріотовъ, состоящему въ томъ, чтобы русскія политическія газеты занимались вопросомъ о выселеніи нашего народа въ большихъ размѣрахъ ради спасенія его отъ угрожающей ему латинизаціи и колонизаціи.

Мы не знаемъ, какъ представляютъ себѣ такое выселеніе наши патріоты, такъ какъ объ этомъ ихъ письма къ намъ умалчиваютъ; но мы считаемъ всѣ эти проекты выселенія слѣдствіемъ пессимизма, даже малодушія и не можемъ сочувствовать имъ, будучи убѣждены въ тѣхъ громадныхъ затрудненіяхъ, съ которыми обыкновенно встрѣчается выселеніе народовъ, особенно большими массами.

Не говоря уже о препятствіяхъ, съ которыми пришлось-бы встрѣтиться разбирательству этого вопроса въ газетахъ, а еще болѣе приготовленіямъ къ выселенію у насъ дома, -- должны-же мы предварительно знать, куда выселить громадныя массы народа, такъ какъ въ настоящее время земли, годныя для обработки, вездѣ уже заселены или по крайней мѣрѣ составляютъ чью-нибудь собственность. Купить -- вѣроятно будетъ стоить не дешево, да и врядъ-ли будутъ въ состояніи купить землю тѣ, которымъ такъ желательно, по увѣренію нашихъ патріотовъ, выселиться куда-нибудь. Но положимъ даже, что выселеніе и не встрѣтило-бы препятствій; положимъ, что нашлась-бы и земля, которую наши выселенцы могли-бы занять на хорошихъ условіяхъ; и въ такомъ случаѣ мы все-таки не совѣтовали-бы прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ, еще не вынужденной обстоятельствами.

Подождите, господа! Вѣдь не исчерпаны-же еще всѣ прочія мѣры, а васъ лихорадочное волненіе, подрывающее и самые крѣпкіе организмы, довело уже до отчаянія, которое-то и говоритъ въ васъ! Да и увѣрены-ли вы въ томъ, что наши выселенцы непременно будутъ хорошо жить на чужбинѣ? Въ состояніи-ли вы пособить ужасному горю, въ которое повергнутся выселенцы, если не оправдаются ваши надежды? Извѣстно-ли вамъ, что въ такомъ случаѣ нашихъ переселенцевъ, потратившихъ все свое незначительное имущество на путешествіе и на устройство жизни на чужбинѣ,

ожидала-бы еще болѣе ужасная нищета, можетъ быть и сама смерть — отъ холода и голода? Вотъ какіе вопросы представляются каждому, разсуждающему серьезно о выселеніи народа нашего громадными толпами.

Но допустимъ, что судьба нашихъ выселенцевъ будетъ не дурна, — пожалуй гораздо лучше здѣшней; какія-же въ такомъ случаѣ обнаружатся послѣдствія? По естественному порядку вещей — самыя дурныя, такъ какъ выселеніе тогда не прекратится, пока вся австро-угорская Русь не лишится всего своего кореннаго населенія, значить вся наша Русь перестанетъ существовать.

Желательно-ли это?

Нѣтъ, господа! Наша обязанность не способствовать, а на оборотъ препятствовать выселенію нашего народа, начавшемуся уже помимо желанія нашего въ неимовѣрно страдающей Руси Угорской, которую толпами оставляетъ коренное населеніе края, чтобы освободиться отъ невыносимаго гнета опеки мадьяръ и пріобрѣсти вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыя средства къ жизни въ Америкѣ, гдѣ высоко цѣнятъ рабочую силу и чрезвычайную способность къ труду нашихъ земляковъ, преимущественно Лемковъ.

Пока-же насъ не оставляетъ надежда на Господа Бога, располагающаго сердцами государей, до тѣхъ поръ не оставитъ и насъ Господь, насъ уповающихъ на него. «Испытанія время строго; тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь; много милости у Бога, безъ границъ Его любовь». Если мы страшно страдаемъ подъ самозванною опекой, если темницы наполняются нашими мучениками, даже самыми заслуженными нашими патріотами; — то мы должны сознаться, въ смиреніи сердець, что такія страданія допущены Провидѣніемъ на нашъ народъ за его ужасный грѣхъ несогласія, происходящаго въ настоящее время отъ волненія умовъ уже не въ первый разъ.

Болѣе чѣмъ кто-либо могъ убѣдиться нашъ народъ, испытанный въ продолженіи пяти столѣтій своего порабоженія ужаснѣйшія гоненія, что истребить многочисленный народъ не по силамъ ни самому сильному, ни самому коварному врагу. Вѣдь мы правы! Мы не питаемъ преступныхъ желаній! Мы требуемъ лишь примѣненія къ нашему народу тѣхъ правъ, которыми пользуются на основаніи государственныхъ законовъ всѣ прочіе народы австро-угорской монархіи. Неужели нашему народу малодушно уступить все свое достояніе жаднымъ иноплеменникамъ, чтобы спасти себя

отъ гоненія, отъ мученичества? Этого не возможно допустить. И другіе народы добивались вѣдь и добились своихъ правъ громадными жертвами. Какъ-же только намъ чуждаться добродѣтели самоотверженія, безъ которой не было-бы, по словамъ самого Спасителя міра, ни одного христіанина, а тѣмъ болѣе церкви Христовой? Мы блаженны, пока другіе изгоняютъ насъ правды ради, но это блаженство превратится въ погибель, какъ скоро мы станемъ изгонять самихъ себя изъ земли отцевъ нашихъ, изъ назначеннаго намъ Господомъ отечества, значить изъ австро-угорской Руси.

«Претерпѣвшій до конца, тотъ спасенъ будетъ», и мы, претерпѣвъ всѣ обиды и гоненія, спасемся отъ самозванной опеки. Нашъ народъ, хотя крайне обѣднѣлъ матерьяльно подъ всестороннимъ гнетомъ опеки, стоитъ все-таки крѣпко за свою вѣру, за свою народность и за свои права вообще. Его даже необходимо сдерживать отъ слишкомъ остраго выступленія противъ іезуитовъ, восресенцевъ и прочихъ нашихъ опекуновъ; слѣдовательно, — нѣтъ еще причины къ отчаянію, нѣтъ еще причины и къ выселенію!

Лихорадочное волненіе должно рано или поздно уступить мѣсто хладнокровному обсужденію нашего положенія, и это приведетъ всѣхъ насъ, за исключеніемъ общезвѣстныхъ льстецовъ, ожидающихъ отъ вліятельныхъ на время опекуновъ нашихъ великихъ и богатыхъ милостей, — приведетъ всѣхъ насъ къ полному согласію, которое-то и представляетъ собою главное условіе всякаго успѣха. Если-же есть еще надежда на успѣхъ, значить на прекращеніе самозванной опеки, то зачѣмъ-же нашему народу выселяться? Только въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если-бы насъ обманула надежда, придетъ пора къ выселенію, но тогда едва-ли нашъ народъ будетъ нуждаться въ газетныхъ толкахъ о выселеніи, какъ не нуждаются въ нихъ наши Лемки, выселяющіеся въ Америку. До тѣхъ-же поръ мы обязаны всѣми возможными средствами препятствовать выселенію нашего народа: — таково по крайней мѣрѣ наше искреннее и глубокое убѣжденіе...

Переходимъ ко всеобщему, почти единогласному требованію, состоящему въ томъ, чтобъ политическія газеты наши разъяснили прежде всего необходимость созванія церковныхъ соборовъ, именно областнаго собора, такъ какъ наша церковь и вся наша святыня въ очевидной опасности, которой не въ состояніи предотвратить

одиночныя личности, подвергаемыя при томъ, какъ мы въ этомъ убѣдились еще не столь давно, настоящему мученичеству за привязанность свою къ церкви.

Намъ никогда не приходило на умъ оспаривать вопіющую нужду въ созваніи церковныхъ соборовъ, именно областного собора; напротивъ мы съ большимъ удовольствіемъ замѣчаемъ всеобщее согласіе насчетъ необходимости созванія областного собора и исключенія изъ соборныхъ совѣщаній, согласно съ постановленіями флорентинскаго собора, всякаго иностраннаго, значить польскаго и вообще латинскаго вліянія; мы давно занялись-бы разсужденіями, касающимися этого важнаго предмета, еслибъ мы встрѣтили согласіе и относительно другихъ, немаловажныхъ вопросовъ. Но тутъ-то его и не было, а обнаружившіяся противоположныя мнѣнія защищались упорно съ такою неуступчивостью, что намъ много пришлось переписываться, не мало разъ служить посредникомъ, опровергать и изъяснять, пока мы не достигли наконецъ результата, который и сообщаемъ ниже.

Въ виду того, что главное препятствіе нашего народнаго развитія и нашего какъ духовнаго, такъ и матерьяльнаго благосостоянія кроется въ неограниченной опеке иноплеменниковъ, которой подчиненъ нашъ народъ вопреки всѣмъ положительнымъ основнымъ законамъ государства во всѣхъ безусловно направленіяхъ, что, слѣдовательно, опеку эту необходимо прекратить, и прекратить во первыхъ въ дѣлахъ церкви, такъ какъ она угрожаетъ тутъ исчезновеніемъ нашей святыни, съ которой неразрывными узами связана вся наша народная жизнь, которая, слѣдовательно, болѣе всего лежитъ на сердцѣ всякому изъ насъ какого-бы онъ ни былъ политическаго направленія, и что этого прекращенія опеки въ дѣлахъ церкви возможно достигнуть только путемъ воссоединенія нашей церкви съ православною, греко-восточною, въ уніи-же лишь въ крайности при строгомъ наблюденіи неподлежащихъ перемѣнѣ постановленій флорентинскаго собора, слѣдовательно возстановленіемъ всѣхъ достохвальныхъ установленій восточной церкви, — въ виду всего этого — патріоты наши считаютъ необходимымъ:

1) Созвать къ предварительному совѣщанію изъ галицкихъ, буковинскихъ и вѣнскихъ уніатовъ русской народности по крайней мѣрѣ по шести лицъ духовнаго и мірскаго званія, которыя при-

обрѣли довѣріе народа, отличившись знаніями, ревностью и самостоятельностью;

2) Приготовить на этомъ предварительномъ собраніи матерьяль, касающійся церковной администраціи, преимущественно-же утвержденные правительствомъ статуты церквей сербской и православной румынской въ предѣлахъ Угорщины и предложенный римско-католическою церквю Угорщины проектъ такого-же статута церковной автономіи; разобрать созваніе областного собора и рѣшить всѣ относящіеся къ нему вопросы, а именно:

а) кто долженъ предсѣдательствовать на областномъ соборѣ и кто въ правѣ назначить письмоводителей собора? (Въ рѣшеніи этого вопроса едва-ли будутъ разногласія, такъ какъ письмоводители по обыкновенному порядку избираются большинствомъ голосовъ голосующихъ, а предсѣдателемъ областного собора по канонамъ можетъ быть только митрополитъ или, въ случаѣ его отсутствія, старшій въ области по времени своего посвященія архіерей).

б) кому принадлежитъ право голоса на областномъ соборѣ по своему церковному чину, значить, право голоса такъ называемаго вприльнаго? (И въ рѣшеніи этого вопроса не предвидится разногласія, такъ какъ, по канонамъ, пользуются правомъ голоса, не нуждаясь въ выборѣ, всѣ архіереи, архимандриты и игумены);

в) кромѣ вышеупомянутыхъ, какія лица должны или могутъ по выбору участвовать рѣшающимъ голосомъ въ совѣщаніяхъ областного собора? (Этотъ вопросъ въ виду многосложности задачи перваго областного собора крайне важенъ, и наши дѣятели того мнѣнія, что нельзя не признать по крайней мѣрѣ по два голоса за выборными кафедральныхъ клиросовъ или консисторій львовской и перемышльской и выборными какъ прославившагося своею дѣятельностью съ давнихъ временъ львовскаго ставропигіяльнаго института, такъ и братства перемышльскаго кафедральнаго собора.—Желательно признать право голоса и за выборными другихъ братствъ и большихъ городскихъ церквей; необходимымъ-же является признать право голоса за представителями приходскаго священства и мірянъ въ такомъ числѣ, чтобы—по неимѣнію протопресвитерства—каждое благочиніе, иначе деканатъ, имѣло на областномъ соборѣ своихъ выборныхъ, одного изъ духовнаго, другого изъ мірскаго званія. Замѣтимъ что именно насчетъ этого вопроса трудно было достигнуть согласія лицъ, требующихъ огра-

ниченія числа голосовъ мірянъ, будто не подготовленныхъ богословскими науками къ участию въ соборныхъ совѣщаніяхъ, съ лицами, требующими по примѣру вышеупомянутыхъ статутовъ православныхъ и католиковъ Угорщины удвоенія числа голосовъ мірянъ на томъ основаніи, что иначе соборныя совѣщанія будутъ безуспѣшны, такъ какъ духовныя лица, привыкшія къ раболѣбію, не дерзнутъ противиться навязываемымъ имъ прямо или посредствомъ своихъ епископовъ мнѣніямъ польскихъ іезуитовъ и воскресенцевъ, заинтересованныхъ естественно въ безуспѣшности соборныхъ совѣщаній).

3) Какимъ порядкомъ засѣдать и на какомъ языкѣ вести совѣщанія на соборѣ и какой срокъ назначить для него? (Вопросы не особенно существеннаго значенія, такъ какъ по принятому обыкновенію лица духовнаго званія занимаютъ на засѣданіяхъ правую, а міряне лѣвую сторону; языкъ же можетъ быть употребляемъ кромѣ церковнаго, само собой разумѣется *только* русскій, касательно-же срока не подлежитъ сомнѣнію, что съ одной стороны медлить съ созваніемъ собора опасно, а съ другой — необходимо предоставить и корпораціямъ и благочиніямъ извѣстное время — отъ 4 до 6 недѣль — для опредѣленія способа выборовъ и для производства таковыхъ).

4) Созвать, согласно съ рѣшеніями помянутаго предварительнаго собранія — областной соборъ, что принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ митрополита или при отсутствіи его, старшаго по чину архіерея области.

Вотъ какъ представляютъ себѣ ведущій къ церковнымъ соборамъ путь дѣятели наши, ожидающіе отъ областного собора полнаго возстановленія учрежденій восточной церкви, значить нашего обряда во всей его первоначальной чистотѣ, а вмѣстѣ и улучшенія матерьяльнаго благосостоянія священства, а именно:

I. Возстановленіе власти митрополита и власти или круга дѣйствій и вообще организма областного собора.

II. Возстановленіе монашескаго благочинія, соотвѣтственно древнимъ правиламъ, слѣдовательно и возстановленіе въ каждомъ монастырѣ единственно законной власти архимандрита или игумена подъ надзоромъ епархіальнаго архіерея.

III. Возстановленіе власти какъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ, такъ и кафедральныхъ крилосовъ или консисторій и организма епархіальныхъ соборовъ.

IV. Возстановленіе права іеромонаховъ къ занятію архіерейскихъ кафедръ наравнѣ со вдовцами или холостыми священниками изъ бѣлаго духовенства.

V. Возстановленіе внѣшнихъ протопресвитеровъ — прелатовъ — съ принадлежащею имъ властью.

VI. Возстановленіе права женатыхъ священниковъ занимать по преимуществу должности, какъ этихъ внѣшнихъ протопресвитеровъ, такъ и дѣйствительныхъ крылошанъ или членовъ консисторій.

VII. Возстановленіе чина и чинодѣйствія діаконскаго въ разныхъ его ступеняхъ.

VIII. Возстановленіе производства заслуженныхъ дьячковъ или пѣвчихъ и иныхъ нисшихъ служителей церковныхъ въ степень чтеца съ правомъ надѣвать въ церкви стихарь.

IX. Возстановленіе обязательнаго употребленія соотвѣтственной каждому чину и всякой степени одежды, какъ для чернаго, такъ и для бѣлаго духовенства, и возстановленіе однообразія внѣшнихъ признаковъ разныхъ церковныхъ чиновъ и степеней въ церкви и внѣ ея вообще.

X. Возстановленіе великолѣпія нашего богослуженія въ полной его чистотѣ, къ чему необходимо причислить замѣну поврежденныхъ богослужебныхъ книгъ старыми XVII столѣтія или съ ними согласными новыми изданіями.

XI. Возстановленіе соотвѣтственнаго правиламъ нашей церкви порядка, касающагося апелляцій всякаго рода.

XII. Возстановленіе порядка воспитанія кандидатовъ духовнаго званія настоятелями и профессорами нашего обряда при употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго.

XIII. Постановленіе о выборахъ архимандритовъ и игуменовъ монахами изъ среды іеромонаховъ или не женатыхъ священниковъ изъ бѣлаго духовенства подъ руководствомъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ.

XIV. Постановленіе о выборахъ внѣшнихъ протопресвитеровъ изъ женатаго духовенства клиромъ и народомъ подъ руководствомъ епархіальнаго архіерея.

XV. Постановленіе о назначеніи благочинныхъ — декановъ — и другихъ приходскихъ священниковъ, архидаконовъ, протодіаконовъ, діаконовъ, чтецовъ или пѣвчихъ и прочихъ церковно-служителей.

XVI Запрещеніе жительства монахамъ иного обряда въ нашихъ монастыряхъ, и запрещеніе среди нашего народа всякихъ миссій духовныхъ лицъ латинскаго въ особенности обряда.

XVII. Ходатайство о дозволеніи каноническихъ выборовъ: митрополита—областнымъ соборомъ; епископовъ—епархіальнымъ соборомъ, усиленнымъ не только предсѣдательствующимъ митрополитомъ, но и всѣми областными архіереями; крылошанъ или членовъ консисторіи—обыкновеннымъ епархіальнымъ соборомъ.

XVIII. Ходатайство о соразмѣрномъ раздѣленіи фондовъ благочестія между нашей и латинской церковью.

XIX. Ходатайство о приличномъ вознагражденіи трудовъ нашего духовенства всѣхъ степеней, къ которому, въ случаѣ недостатка у казны фондовъ благочестія, пріобщился-бы весьма охотно и самъ народъ нашъ добровольными жертвами или даже умѣренной церковною податью.

XX. Ходатайство о скоромъ учрежденіи станиславскаго епископства съ крылосомъ или консисторіей.

XXI. Ходатайство о подчиненіи русскихъ униатовъ епархіи Угорщины, согласно съ правилами нашей церкви, законному ихъ митрополиту галицкому.

Мы должны еще добавить, что нѣкоторые патріоты наши объявляли желаніе объ учрежденіи патріаршества въ Львовѣ и кромѣ того учрежденіи кардинальства въ Римѣ для русскихъ униатовъ; другіе заявляли желаніе, чтобы кандидатовъ духовнаго званія въ наивозможно большемъ количествѣ посылать для воспитанія въ римскую коллегію и пріохочивать школьную молодежь въ вступленію въ наши монастыри. Но всѣ они отказались отъ своихъ желаній, такъ какъ наши дѣятели, имъ противившіеся, доказали, что монаховъ будетъ достаточно, коль скоро возстановится древнее монашеское благочиніе; что воспитанники римской коллегіи, воспитываясь латинскими монахами на латинскомъ языкѣ и въ благопріятномъ целѣбату латинскомъ духѣ, стали-бы чужды и народу своему и, несмотря на докторскія свои степени, и въ знаніяхъ уступали-бы воспитаннымъ въ предѣлахъ нашей монархіи; что патріархи, подчиненные римской куріи далеко не пользуются правами принадлежащими нашимъ митрополитамъ или даже епископамъ; что русскій кардиналъ въ Римѣ, наконецъ, вѣроятно подрывалъ-бы лишь авторитетъ нашего митрополита и нашей іерархіи

вообще, какъ подрываютъ по опыту такъ называемые визитаторы авторитетъ монастырскихъ настоятелей.

Очертивъ такимъ образомъ ходъ дѣлъ, какъ онъ представляется нашимъ выдающимся дѣятелямъ духовнаго и мірскаго званія желательнымъ, чтобы и прочно и досконально устранить главную причину всѣхъ бѣдствій нашего народа, мы считаемъ себя въ правѣ предполагать, что достигнуть такого благополучнаго хода дѣлъ возможно лишь при сосредоточеніи всѣхъ нашихъ напряженныхъ силъ пока исключительно на разрѣшеніи этого «церковнаго вопроса», болѣе важнаго въ настоящее время, чѣмъ какая-бы то ни было политическая дѣятельность, не соединяющая, а по опыту лишь разъединяющая насъ.

Итакъ, во имя творящаго чуда Бога, который непременно даруетъ побѣду поборникамъ правды, слѣдовательно намъ, возьмемъ за дѣло, всесторонне разбирая наши церковныя дѣла, какъ въ частныхъ кружкахъ, такъ и въ газетахъ, и вліяя по возможности и лично и на общество «Русская Рада», и на наше высшее духовенство, преимущественно-же на членовъ комиссіи, составленной по дѣламъ нашей церкви, которая-то и признала необходимымъ созвать вышеупомянутое предварительное собраніе. Увидимъ въ непродолжительномъ времени однако, дерзнетъ-ли комиссія эта, состоящая исключительно изъ лицъ духовныхъ, удовлетворить этому всенародному желанію нашему, дерзнетъ-ли она сдѣлать это «страха ради опекунскаго». Если да—она, не мало поспособствуетъ этимъ возрожденію нашей церкви; но если нѣтъ,—если комиссія и на этотъ разъ будетъ пренебрегать желаніями нашими—мы будемъ *обязаны* прибѣгнуть къ разбирательству церковнаго вопроса нашего внѣ и помимо нея, въ газетахъ, въ брошюрахъ, въ «Русской Радѣ», въ народныхъ даже собраніяхъ и на вѣчахъ, такъ какъ по неимѣнію церковныхъ соборовъ намъ не представляется другого пути къ всенародному обнаруженію справедливыхъ нашихъ требованій...

Поступая такъ мы выкажемъ лишь искреннѣйшее стремленіе къ спасенію нашей святыни и вмѣстѣ съ тѣмъ и основъ народной нашей жизни отъ грозящей намъ все болѣе и болѣе опасности. Будемъ надѣяться, что поймутъ и справедливость такого стремленія и всю серьезность настоящаго положенія и въ Вѣнѣ и въ Римѣ наконецъ. Но если и на этотъ разъ вліяніе опекуновъ и мучителей нашихъ окажется въ высшихъ сферахъ, гдѣ

никто не защищает даже интересовъ нашихъ, настолько сильнымъ, что мѣродательные круги государства не обратятъ даже вниманія на законныя наши стремленія и желанія... не мы будемъ виноваты въ неминуемыхъ послѣдствіяхъ насильственно продолжаемаго посягательства на нашу святыню, не мы будемъ виноваты, если весь народъ нашъ, послѣдуетъ примѣру двѣнадцати милліоновъ своихъ братьевъ, чтобы въ воссоединеніи съ православіемъ найти вѣчный и прочный путь къ своему спасенію... *Discite moniti!*

Цѣна 30 коп.